

Глава первая

— Будет война. Я вам отвечаю, что будет всемирная война. И майя это предсказывали, да и всё само к этому движется. Вы знаете, что численность населения Земли достигает критической отметки?

— И что теперь, от количества людей Земля перевернётся? Перетянёт?

— Да почему вы так примитивно мыслите? Через год неделю будет парад планет, это случилось последний раз, когда погибла Атлантида!

— Да, и вы при этом присутствовали!

У Славки затекли ноги. Она попыталась ими пошевелить, но рюкзак всё равно придавливал к сестре. Автобус был переполнен. Второй рюкзак стоял между Славкой и Катей, на коленях— пакеты с водой и бутербродами. У кого-то плакал на каждом повороте ребёнок, от других пахло потом, смешанным с дезодорантами, одеколонами, чипсами. В автобусе было душно, а форточку закрыли из-за накапывающего дождя.

— Коро-о-ову увели! Её соседка потом в поле нашла. Всю избитую. Ноги перебиты, все кости перебиты. Бедная-я! Придётся заколоть. А чё ещё остаётся?

Кому-то наступили на ногу. Крик, извинения, шлепок, рёв. Бородатый мужик закрыл глаза и покачивался в такт со старым автобусом. Его рука была так близко к Славкиному лицу, что та с тоской посмотрела на его часы. Славка вздохнула и прилегла к рюкзаку. Прошли всего триста семьдесят шесть минут поездки.

Над обрывом ехали молча. Окно запотело, и Катя провела пальцами несколько линий, сквозь которые Славке удалось рассмотреть, как где-то далеко внизу шумит Катунь, разбивая камни, деревья и всё, что попадает в её зелёные водовороты.

— Скоро доедем до Усть-Кана!—ободряюще сказала сзади мама.

Славка с радостью услышала русскую речь. Автобус был полон алтайцами из деревень. Они понимали русский язык, но говорили только на родном алтайском. А Славка алтайского не понимала. Она даже английского не знала, но здесь от него не было бы проку.

В Усть-Кане была остановка. Все бросились к «странному по замыслу сооружению», как сказала мама, но внутрь заходить побоялись.

— Лучше туалета—лес,—поднял палец к небу отец, и всё семейство вместе с местными жителями пошло за кусты над обрывом.

В автобусе решили перекусить—Славка скормила семье свой пакет с едой, и теперь ей ничего не нужно было держать на коленях, кроме своей дорожной косметички. Катюша обиженно фыркала у окна. Но Славка решила, что сестра и так сидит на лучшем месте. Поэтому пусть держит свой пакет.

Перед Абаем к родителям подсел третьим на сиденье разговорчивый мужик. Он долго рассказывал о себе, о своей жене, потом что-то о пчёлах и пасаках. И вдруг спросил отца:

— А ты, случайно, не из Ильинки?

— У меня батя оттуда,—размеренно произнёс отец. Славку иногда бесили эти спокойствие и медлительность.— Не слышал про Диму?

— Слышал, слышал! Ну как же?! А у него ещё брат был, Сергей!

— Ну да, ну да,—кивал отец.

— А у Сергея первая жена—Галя. Потом он женился на Агафье. А ещё у Сергея была двоюродная сестра, Тома. Так вот я—сын Тома! Я твой родственник!

Он рассказал, где кого за последнее время убили в Ильинке, чью корову недавно обнаружили под Онгудаем переломанную. Сразу познакомился с бабкой, у которой эту корову и украли. Весь автобус начал общаться. А Славка медленно поднимала голову от рюкзака, а потом билась об него лбом. Сейчас в городе подружки, наверное, смотрят сериал. Одна поедет с родителями в Египет. Вторая к четырнадцати годам уже объехала почти всю Европу. И только Славка никогда нигде не была. Это была первая семейная поездка на родину папы и мамы—на Алтай.

Славка никогда не встречала других родственников, кроме своей семьи. Она слышала, что где-то на Алтае живет большая «родова» с отцовской стороны. В их же городе не было ни бабушки, ни дедушки. Только мама, папа и Катюшка. И Славка постоянно чувствовала себя очень одинокой и как

будто бы выброшенной на берег. Она привыкла к этому состоянию потерянности. И хотела поскорее, как только ей исполнится семнадцать лет, уехать учиться в другой город, а потом и вовсе перебраться за границу. Ей казалось, что ничто её здесь не держит.

Сотовый телефон не работал. И мама запретила класть в рюкзак лак для ногтей. Мама вообще выкинула из Славкиного рюкзака все необходимые для нормального человеческого существования вещи, оставив только походную одежду и аккуратно взвешенные отцом пакеты с крупами.

К Славке протиснулся новый родственник.

— А тебя как зовут? — спросил он.

— Славка... — откашлялась она.

— Ты первый раз на историческую родину приехала? Мы сейчас будем проезжать Элекманар. А ты знаешь, что значит Элекманар?

Славка с тоской глянула на сестру, но та сделала вид, что смотрит в окно на скользящие мимо горы. «Прерогатива места у окна», как сказал бы папа. — Это значит — одинокий баран на скале. «Элек» — «баран», а «манар» — «скала». А твой отец родился в Узнезе, это название означает «хозяин реки», «дух». А ты чем занимаешься?

Славка никак не могла понять, сколько лет их родственнику. Двадцать? Тридцать? Сорок? У него было очень худое лицо с небритыми щеками. И много комариных укусов на шее.

— Я... в школе учусь.

Родственник задумчиво погрыз губу и снова пошёл назад. Оттуда он крикнул:

— Если станет плохо, попроси силу у Катуня. Так и скажи: «Катунь, помоги мне». Или: «Слава Катуня». И она тебе поможет.

На это даже Катя отлипла от окна и с сожалением посмотрела на Славку.

Вдруг автобус остановился на какой-то кочке, и в него вошёл настоящий Робинзон Крузо. В широкой коричневой шапке, с привязанным к поясу котелком и огромным рюкзаком, возвышающимся над головой. За ним семенили жена и два мальчика лет одиннадцати, близнецы. Все с такими же высокими рюкзаками. Вскоре другая алтайская семья вышла прямо в поле и стала растворяться в колышущейся от жары дали. Лесистые горы, по которым вился Чуйский тракт, с елями, берёзами, давно сменились пустой выжженной степью. Казалось, всё живое варится прямо на ходу. Ни ветерка, ни малейшего шевеления в сухой траве. Один лишь душный, пропитанный жарой, пыльный воздух. Теперь уже все окна были открыты, но это не спасало.

— Вы куда пойдёте? — спросил отец у Робинзона Крузо.

— Видимо, туда же, куда и вы, — сухо ответил Крузо.

Славке стало неприятно, что так недружелюбно отвечают её отцу. Видимо, слишком долго Робинзон стоял под солнцем. Но и его папин родственник быстро расшевелил. Один из мальчиков безразлично посмотрел в сторону девочек и отвёл глаза, когда Катя улыбнулась ему.

Сёстры пихнули друг друга плечами и хмыкнули. Обе поняли, что они с этими малолетками никуда вместе не пойдут.

А за окнами росли холмы. Через час за деревьями вдоль дороги уже мелькала тайга. Сёла встречались всё реже и реже. Вскоре должна была показаться знаменитая Громотуха, или Ыйык, которой издревле поклонялись алтайцы. Автобус медленно полз наверх, на перевал. Внизу гремела Коксу, слева резко вверх уходила скала. Славка так много слышала об этих местах от отца за обедами, что, казалось, знала дорогу наизусть. Ей казалось, что всё это ненастоящее, выдуманное отцом и она просто попала в послеобеденный сон.

Дорога становилась всё уже, а из-за поворотов справа выплывали горы. Одна выше другой. Славке вспомнился Айболит. «А горы всё выше, а горы всё круче, а горы уходят под самые тучи». Славка привстала и взглянула вниз. Отшатнулась и чуть не упала на рюкзак. Люди переходили на шёпот. Даже алтайцы теперь сидели с напряжёнными лицами.

И вот — противоположный горный массив находится наравне с автобусом. Он медленно пробирался сквозь серпантин и сигнализировал невидимым машинам, которые могли бы оказаться за поворотом. В этом месте транспорт не мог развезаться. Очень узко. Катюша закрыла глаза от ужаса. Славка чуть не выпрыгнула из автобуса и не пошла пешком. Справа — жуткий обрыв с горами железа на камнях. Общая могила. И река где-то невидимо грохочет в глубине.

Когда все, наконец, вышли в Усть-Коксе, оказалось, что в горы вместе со Славкой и её семьёй собираются и Робинзоны. Родственник попрощался и побежал в сторону сельского центра. Рюкзаки были свалены в две одинаковые по величине кучи, и водители заламывали такую цену, чтобы довезти до Тунгура и к подножью гор, что Славка понимала: им придётся идти пешком по пыльной дороге без асфальта до туристической базы. И вспомнила, как отец пытался заставить её зимой бегать с ним и мамой по утрам. А она валялась с наушниками в постели. А когда он решил повести всю семью в тренажёрный зал, чтобы подготовиться к походу, только одна Славка оставалась дома и смотрела фильмы на компьютере. Она и в школе на длинной дистанции всегда прибегала последней.

Мимо них по грунтовке проносились машины, обдавая два сумасшедших семейства облаками пыли. В одной из машин было открыто окно,

и оттуда высовывалась женская рука с видеокамерой. Рука тряслась на кочках. Славка отвернула. Вот ещё. Чтобы её снимали в этой пыли и с большим горбом на спине.

Час спустя они дошли до Тунгура. Село оказалось большим и даже наполовину русским. Потом все перешли через всячий мост, увидели вдалеке слева туристические базы на берегу Катуня. Славка умоляюще посмотрела на отца. Но тот поправил на плечах рюкзак, торчащий над головой едва ли не в половину его роста, и молча пошёл дальше. Семейство Робинзона уже давно убежало вперёд.

Навстречу из леса вышел измученный мужчина. Он откашлялся и слабым голосом спросил, далеко ли до цивилизации и базы, на что мама ему зачем-то ответила встречным вопросом:

— А вы из Горно-Алтайска?

Мимо проскочила «Нива». Водитель затормозил, сдал назад. И тоже спросил мужчину, куда он идёт и когда он собирается в Горно-Алтайск, столицу республики. Затем они долго спорили о цене, пока Славкиному отцу не надоело чего-то ждать, и они отправились дальше по дороге, попрощавшись с незнакомцем.

Ещё через час они были в Кучерле. Славка переглянулась с сестрой. Дома казались развалившимися, а в каждом дворе стояло конусообразное сооружение из жердей.

— Чадыр аил,— пояснил папа.

— Спасибо!— откликнулись девочки.

— А вот эти юрты около деревянной избы, укрытые корой деревьев, киис аил, используются как летние кухни.

Славка почувствовала, как её ботинки стали внезапно тяжёлыми. Она вляпалась в коровью «мину». И вот ради этой деревенской романтики она согласилась сюда ехать? Хотя её воплей никто не слушал. Отец собрал вещи, распределил одежду и пищу по рюкзакам, затем всё аккуратно взвесил на весах. Упаковал всю семью в машину, и они поехали на Алтай. В Горно-Алтайске оставили машину у родственников и пересели на автобус до Коксы.

А вот Катюшка с радостью согласилась ехать. Поэтому Славке показалось, что младшую сестру родители стали любить чуть больше, чем её.

Когда вышли из деревни, то остановились около большого кедра.

— Итак, девочки. Ещё раз посмотрите на ваши рюкзаки,— сказал папа.— Теперь рюкзак—это ваш лучший друг. Проверьте баланс, чтобы ни одна сторона не перевешивала и не натирала вам плечи.

Славка пнула свой рюкзак.

— Всё нормально.

— Тогда в путь.

Славка ещё никогда не слышала слов более депрессивных, чем эти.

Мама умудрилась распахнуть остатки еды с автобуса по карманам рюкзаков.

Солнце перестало светить, тучи становились всё подозрительней и подозрительней. Они будто выглядывали из-за гор и чего-то ждали.

Славка увидела в траве землянику и наклонилась, чтобы её сорвать. Рюкзак наклонился вместе с ней, потом внезапно ударил её по голове, и Славка упала на колени. С которых встать самостоятельно уже не смогла.

— Катька!— всхлипнула она.— Спаси!

— Никогда так больше не делай!— закричал отец.— А если бы это была не земля? А родник с водой и острыми камнями? Тебе жить надоело?

— Это разве жизнь?— тоже завопила Славка, стоя на четвереньках.

Остановиться решили у реки Кучерлы. Вода так громко шумела, что приходилось постоянно кричать.

— Мама! Дай мне туалетную бумагу!— Славка прыгала рядом с рюкзаком и без груза чувствовала себя птицей.

— Не мусори в лесу!— ответила мама и кинула в Славку рулоном. Славка его не поймала, и туалетная бумага, разматываясь, полетела в воду.

Отец тоже что-то сказал, никто его не расслышал, но всё было понятно по его жестике. Ужасно.

Вдруг из леса вышел Робинзон с семьёй.

— Можно к вашему шалашу?— крикнул Робинзон.

Папа пожал плечами. Было видно, что делить найденную стоянку с другим представителем мужского пола он не намерен.

Но мама уже приветливо улыбалась.

Когда Славка вернулась к лагерю с пучком смородиновых листьев к чаю, то обнаружила, что палатка Робинзона уже оборудована, выстиранные вещи висят на верёвке, натянутой между кедрами (свою палатку Славкины родители до сих пор даже не вытащили), костёр разведён и над ним висит котелок. Конечно, тоже не Славкиной семьи.

Ещё около часа Славка с родителями и сестрой разбирались, как ставить новую палатку. Когда Славка спряталась от холодного горного тумана в спальнике, то почувствовала, как у неё болит спина. А ещё посчитала все камушки, на которых спит. Представила, как далеко ей придётся тащить ненавистный рюкзак.

Глава вторая

Всю ночь Славка не могла заснуть. Из-за жёсткой земли, из-за грохота реки. Ей казалось, что их палатка, стоящая на самом краю берега, должна непременно скатиться вниз. Славка любила спать, откинув ногу вбок. Но спальник был слишком узким. Поэтому Славка медленно и шёпотом проговаривала слово «кла-у-стро-фо-бия». Она отодвинулась к стенке палатки, но он был очень

мокрым — ночью шёл дождь. А палатку поставили криво. Катюшка тоже подвинулась ближе. Славке очень хотелось встать, всех расчихать и развалиться во всю ширь. Одной.

Утром Славке городскую одежду пришлось спрятать в глубь своего рюкзака и попрощаться с ней на целые две недели. На голову Славки мама водрузила бесцветный платок, отец заставил надеть резиновые сапоги. В руки ей дали лыжную палку. Чтобы опираться по пути. Пока мама упаковывала последние вываливающиеся из рюкзака вещи, семья Робинсона уже ушла.

Затем отец выставил всех в походном порядке. Он шёл первым, как командир настоящего отряда. Затем топала Катюшка, как самая младшая, ей несколько дней назад стукнуло двенадцать лет. Потом Славка, а замыкала отряд мама, которая должна была следить, чтобы дети не упали с тропы в пропасть или не отстали.

Славка по дороге пыталась дотянуться до спелой черёмухи и съесть её. Вечерней каши её организму было явно недостаточно. Руки были чёрными от ягоды, а язык прилипал к нёбу. Хотелось пить.

Горы подступали всё ближе к тропе, они быстро росли. Намного быстрее, чем шла семья Славки. Горы нагромождались и наслаивались друг на друга.

Первый привал отряд сделал на небольшой поляне в лесу. Там росли лиственницы, покрытые плесенью и белым мхом. Огромные ветви причудливо свисали над тропой. Катя сказала, что она оказалась в старой и очень грустно закончившейся сказке.

Славка скинула рюкзак и села на него. Но её тут же согнали. Потому что «нельзя сидеть на своём „друге“, иначе он обидится и будет причинять разные неудобства», сказал отец.

Когда идёшь по тропе — смотреть по сторонам нельзя. Только под ноги, чтобы не упасть. Поэтому этот день Славка почти не запомнила. Однажды только они вышли на большое солнечное поле, над которым парила мошкара и залетала Славке в нос. Кузнечики запрыгивали в жаркие резиновые сапоги, а огромная саранча тыкалась в тело во время своих неуклюжих перелётов. Славка нечаянно задавила в своих сапогах не менее пяти кузнечиков, двух бабочек, сидящих на дороге, и несчётное количество больших жирных муравьёв. Она хотела остановиться и вытряхнуть кузнечиков из сапог, но отец вёл отряд только вперёд. Поэтому Славка с ужасом чувствовала, как кузнечики в сапогах превращаются в слизь.

Спина ныла, в голове что-то настойчиво звенело и гудело. Славка перестала вспоминать свою счастливую городскую жизнь в течение всех четырнадцати лет. И только считала минуты до следующего привала. После десяти минут блаженного отдыха

она с чувством полного опустошения вновь надевала своего «друга», висящего у неё на плечах. Молча, как партизан, вставала с помощью младшей сестры на ноги и шла дальше.

Процесс «надевания» рюкзака на спину стал ритуалом.

— По одежке протягивай ножки, — хихикнула Катюшка, когда Славка очередной раз падала при неудачной попытке встать с рюкзаком на место, которое мама условно называла спиной.

После падения Славка несколько секунд сидела на земле, сосредоточиваясь. А вообще, вскоре Славка стала искать удобные пенки около дерева, затем тащила туда по земле своего «друга», ставила его на пень, придерживая от падения, умудрялась повернуться к нему спиной, вдеть руки в лямки, застегнуть на талии пояс и с боевым криком «Ха!» резко вскочить на ноги и наклониться вперёд. Целая система. Славка почему-то решила дать рюкзаку имя Ур.

Обедали около Кучерлы, и Славка с сестрой лежали спинами на горячих камнях, нагретых солнцем. Потом умылись ледяной водой. Лежали на десять минут дольше, чем обычно. Когда отец объявил всеобщий подъём, Славка только застонала.

И они вновь поплелись в горы. Над обрывами с падающими вниз камнями. Вдоль грохочущих далеко внизу тонкими зелёными лентами рек. То по лужам с барахтающимися насекомыми, то по кочкам болот. Лезли вверх по камням, опираясь на лыжные палки всем весом, чтобы было легче.

Смеркалось в горах рано. Солнце быстро садилось за высокую гору, и наступал вечер. За час нужно было срочно найти стоянку. Семья Робинзонов убежала далеко вперёд.

Славка чувствовала возбуждение. У неё был «психологический подъём», как она попыталась объяснить свои ощущения Катюшке.

Она перестала чувствовать усталость. У неё открылось второе, неведомое ранее, дыхание.

Славка уже смутно вспоминала последний разговор с Петькой. Вот если бы она осталась в городе, то наверняка бы сейчас гуляла, сидела на скамейке, щёлкая семечки и ненароком прикасаясь к нему плечом. У Петьки светлые короткие волосы и огромные глаза. Как в японских мультфильмах.

Перед отъездом Петька пытался поцеловать Славку в губы. Но она это слишком поздно поняла. Петька промахнулся. Славка дёрнулась, смутилась и громко, как дурочка, засмеялась. И от этого, наверное, тоже позволила себя увезти отцу на Алтай. Надо же было так опозориться!

Славка по дороге пыталась вспомнить своих лучших подруг — Аньку и Юльку. Но вместо их лиц появлялись отвратительные морды кузнечиков, которые хором вещали Славке, чтобы она не оглядывалась назад — а то упадёт, чтобы

не жаловалась на усталость и на рюкзак, похожий на гриб-трутовик.

Вдруг навстречу выскочил один из близнецов Робинзона. И поманил в лес. У него волосы торчали во все стороны, и он казался каким-то таинственным и похожим на сына лешего.

Стоянка оказалась очень даже ничего. Посередине уютно горел огонь. Для палатки Славкиной семьи тоже было оставлено место. Рядом с костром стояли лошади с изящно расшитыми сёдлами и висевшими сзади оленьими рогами. Славку передёрнуло, и она вызвалась ставить палатку вместе с отцом.

От реки по каменному обрыву поднялся старый алтаец и заговорил с Робинзоном.

Славка ненавидела ставить палатку. Она каждый раз не понимала, какие дуги нужно ставить посередине, а какие — на вход. Она ненавидела раскручивать упрямые коврики, раскладывать их по полу, корячиться, придерживая края рукой и ногой, и кидать на них спальные. Но больше всего Славка ненавидела раскрывать рюкзак и вытаскивать с таким трудом уложенные утром вещи.

Славка не умела готовить, поэтому в её обязанности входили только поиски трав для чая. Славка уходила в сумеречный лес и только там могла оказаться наедине с собой. Она вытаскивала тайком плеер, чтобы послушать хотя бы одну песенку. Славка берегла заряд. И, напевая, искала кусты малины или смородины.

Когда она вернулась в лагерь, то села вдаль ото всех на пенёк и приготовилась писать дневник. Но, естественно, у неё ничего не вышло. Она со вздохом выдернула лист и, пожевав ручку, вывела: «Дорогой Петя!» Немного подумала и поставила ещё два восклицательных знака. Славка никогда в жизни ещё не писала настоящих бумажных писем. Поэтому задумчиво подпёрла подбородок рукой.

Вдруг сзади подскочил один из близнецов, заглянул Славке через плечо и засмеялся. Потому заглянул в отупевшие Славкины глаза и серьёзно спросил:

— Муж, да?

Славка даже не пошевелилась. У неё очень болела спина. Не дождавшись улыбки, близнец произнёс:

— Муж... Ты ему напиши, какая тебя окружает обалденная природа и как ты любишь мыть жирную посуду в холодной воде!

— А тебя как зовут? — Славка наконец решила заговорить с малолеткой.

— Антошка! А мой брат — Мишка.

Славка пока не видела никаких различий между мальчиками. Вроде бы и одежда разная...

— А вы откуда?

— Из Змеиногорска! Знаешь, где это?

Славка поёжилась в ветровке.

— Не... Не знаю. Наверное, там живёт Хозяйка Медной горы. Скучно что-то!

— А давай карту посмотрим? — Антошка поправил серую бандану на голове.

Через мгновение Славка уже сидела в окружении близнецов у костра и смотрела, как Робинзон разворачивает огромную старую карту, коричневую от времени, зелёную от растений и очень дырявую. Никакую другую карту Робинзон, конечно, достать не мог. Отсветы костра путались у него в бороде, а изогнутая, похожая на пиратскую, шляпа поблёскивала, когда Робинзон наклонялся, чтобы разглядеть что-то мелкое на карте. Из палатки выглянула Катюшка, и её карие глаза тоже засверкали при виде карты.

Робинзон водил большим тёмным пальцем по карте и говорил странные слова:

— Здесь придётся идти по крутой морене, спуститься траверсом к Кучерлинскому озеру или сразу на Каратюрек подняться, если погода будет хорошая, чтобы с перевала увидеть Белуху и Карачик, там многие медитируют.

Славка не стала ничего переспрашивать. Она тоже решила «помедитировать». Ушла за поляну, подогнула ноги, как это делают индусы. Но её тут же укусило в щёку невидимое в темноте кровожадное насекомое, и Славка решила пойти спать.

Алтаец решил угостить путников свежим мясом. Вокруг костра собрались обе семьи. Женщин алтаец знаком попросил встать с северной стороны.

Он сказал, что убил горного барана специальным способом, разорвав аорту. Сваренные во время Славкиного отсутствия куски мяса алтаец поставил на камень в деревянном корытце. От мяса шёл пар, которому охотник руками помогал «подниматься» кверху.

— Горным духам, — пояснила мама.

Рядом стояли творог в деревянной тарелке и бутылка с кипячёным молоком. Пар от молока тоже предназначался духам. Около творога Славка увидела семь испечённых колобков и рыбу.

Алтаец, напевая, три раза обошёл вокруг костра. Зажёг пучок травы, провёл им над мясом барана, что-то бормоча.

Первый кусок мяса алтаец бросил в огонь. И только затем решил накормить всех собравшихся. Но Робинзоны оказались вегетарианцами. А Славка не могла прикоснуться к мясу. Поэтому отдала свой кусок отцу.

Наутро Славка проснулась первой и обнаружила, что алтаец уже ушёл.

Глава третья

В горах нужно ходить медленно, не спеша. Будто постоянно оставляя силу и энергию про запас. Это закон альпинистов. Славкин отец в молодости был настоящим альпинистом. И мама её тоже была альпинисткой. Даже их медовый месяц

прошёл на международных соревнованиях по альпинизму. Отец о том времени отзывался с восторгом. Мама — нет. Славке иногда казалось, что мама была альпинисткой только ради папы. На самом деле она хотела провести медовый месяц где-нибудь на море. Или в Европе.

А Робинзон был обычным туристом, к которым настоящие альпинисты, например, как Славкин отец, относились с презрением. Робинзон и его семья убежали рано утром, пока у Славки пригорела к котелку каша. Потом Славка разлила кипяток для чая по траве. И её в наказание отправили скручивая спальные и коврики.

Семья Робинзона легко бегала по горам, которые Славка с таким трудом преодолевала. Отец шёл медленно. И с остановками каждые сорок-пятьдесят минут. Славка перестала собирать ягоду по дороге. Не залезала больше на высокие камни — обходила их стороной. На привалах не бегала, как бешеная, вокруг стоянки, а лежала вместе со всеми и накапливала силы для следующего перехода.

Речки со смешным названием Текелюшка, у которой они планировали встать на ночлег, не было. Отец ворчал, что они должны были дойти до неё ещё часа два назад. Отец нервничал. А Славка очень не любила, когда отец нервничает.

Были ручейки, были крохотные речки. За Текелюшкой должна была начаться та самая «морена», о которой вчера говорил Робинзон.

Славка залезала на горы по витой грязной тропе, спускалась вниз по крутым спускам, рискуя при малейшем неверном движении упасть на камни. Петляла по долинам, огибая скальные завалы и «зажимы».

Семья то подходила к самой Кучерле, то отходила так далеко, что реки не было слышно. Иногда, в полной тишине, лес обступал Славку со всех сторон. Он тянул к её лицу свои ветви, подкидывал под ноги скользкие корни и веселился, когда Славка растягивалась в грязи на шпагат. Славка старалась держаться ближе к маме и не отставать от своей маленькой выносливой сестрѐнки, которая пыхтела впереди.

Им навстречу выскочил один из близнецов. Семья Робинзона устало сидела, опершись о сосны прямо на тропе. Оказывается, они тоже не могли найти Текелюшку. Перепутали её с другой речкой, ушли не на ту тропу, сделали огромную петлю, потеряли четыре часа и вернулись обратно. Когда Робинзон увидел, что Славкина семья «черепашьим» шагом догнала их, то быстро собрал всю семью по лесу, и они снова убежали куда-то вперёд.

Славкин отец злорадствовал. От радости он даже разрешил Славке съесть кусочек шоколадки, которую мама уже давно прятала от неё на дне своего рюкзака. Через десять минут все двинулись вслед за Робинзоном.

И вскоре заблудились.

— Как глупо! Как глупо! — бормотал отец и зачем-то смотрел вверх, на кроны деревьев. — Итак... вспоминаем, вспоминаем, девочки! Перед нами было болото! Мы по воде ходить не умеем, поэтому пошли налево, на «обходную»! Она же была утоптанной! — Это её Робинзоны утоптали, — утешила отца мама.

— Но она не вызвала у меня подозрений! — в ужасе сказал отец. — У меня! У профессионального альпиниста!

Мама хмыкнула и не стала говорить ничего ободряющего.

— Славка! — скомандовал отец. — Марш назад, ищи тропу.

Когда Славка снова сняла рюкзак, то почувствовала себя бабочкой. Она «пропорхала» несколько метров, когда её догнала расстроенная мама, и они практически поскакали рядом. Мама всю дорогу негромко повторяла:

— Ну как он мог её отправить в лес одну? Как?

Мама нашла тропу. Она выходила из болота и шла к Кучерле.

Но обратный путь вверх оказался просто кошмарным. Славкины ноги не слушались и петляли сильнее, чем трапа.

Когда они наконец вернулись, Катюшка плакала. Она сняла с себя двух клещей и боялась, что они энцефалитные и могли её укусить.

— Откуда здесь клещи? — опять нервничал отец. — На Алтае нет клещей! Мы слишком высоко над уровнем моря!

Мама же гневно сжигала клещей в спичечном коробке.

— Наверное, он узкоглазый и промахнулся, — решил странно пошутить отец, намекая на себя и на других алтайцев.

Но все молча надевали рюкзаки, чтобы идти вниз.

Они вышли из леса и внезапно остановились перед болотом. Странно было выйти из тёмного леса на открытое светлое пространство. Да ещё и на болото.

— Какое-то у меня лиминальное состояние, — непонятно пробормотала мама.

Катюшка выглянула из-за спины отца. — Ну, чего мы стоим? Пошли? — отец вышел на солнце, а Катюшка по-прежнему стояла на месте и будто прислушивалась к чему-то.

Славка подтолкнула сестру вперёд, но та упорно смотрела в одну точку. Потом тихо сказала:

— Не надо туда ходить... Нас там не ждут.

— Чего? — не поняла отец.

А Катя показала рукой на кусты:

— Там есть тропа. По краю болота. Нужно туда идти.

Почему-то никто не стал с ней спорить.

Топать по мокрому болоту пришлось долго. Затем был снова подъём наверх. Катюшка допила

последнюю воду из своей фляжки, умоляюще посмотрела на старшую сестру. Мысль о том, что её сестренку мог укусить энцефалитный клещ и она могла умереть, жутко пугала Славку. Поэтому она отдала последнюю воду. Дальше же поход превратился в ад.

Им пришлось отдохнуть прямо на тропе. Прислонившись к деревьям. Воды не было ни у кого.

Намёков на стоянку у реки тоже.

Славка шла как зомби, уставившись на сапоги сестры, и сухими губами бормотала:

— Белогривые лошадки целый день играют в прятки, как мне хочется опять в чистом поле погулять, потому что у нас кладут асфальт местами и немного, на поле аленькому цветочку холодно зимой, возьми, Катюшка, кошечку с улицы домой.

Почему-то Славка думала о том, как, наверное, тяжело идти её младшей сестрёнке. Она никогда особо не интересовалась её жизнью. Катюшка согнулась под тяжестью рюкзака, видны были только её тонкие ножки в рейтузах. Иногда Катюшка откидывала две мокрые косички себе за спину.

Ладно идти в такой поход в четырнадцать лет... Но в двенадцать таскать рюкзаки по горам! Нет, Славка никогда не будет альпинистом. Даже ради Петьки.

По лицу лился солёный пот. Всё тело горело, будто его что-то сжигало изнутри.

Славке вдруг показалось, что ели вокруг них двигаются. Вот стоит одна, со сломанной веткой, хлестнувшей Славку по голове. И через несколько шагов снова она. И опять. И опять.

— Кать, у меня глюки,— Славка ткнула в бок сестру.— По-моему, деревья перебегают.

Катюшка устало подтянула рюкзак на плечех и ответила:

— Они ещё и руками машут.

— Ага...

— Наверное, это лесные женщины.

— Кто?! У тебя тоже глюки?

— На них лиственные платья...— прошептала Катя и замолчала.

Когда они наконец вышли к реке, то Славка медленно скинула рюкзак и молча пошла к воде. Теперь ей казалось, что у неё очень толстые и непослушные ноги. Она нашла крошечную заводь, где бурная горная река не смогла бы унести её вниз по горе, и умылась. Подошла Катюшка и без сил опустилась рядом прямо на землю.

Тогда Славка обняла её и провела по косичкам рукой. Катюшка была такой маленькой и хрупкой! — Давай купаться! — тихо сказала Катюшка.

Купаться? Славка засмеялась. Вода была ледяной. Но всё равно они вдвоём заскочили за кусты, скинули на камень всю одежду и прыгнули в воду голыми.

— А! — заорала от прикосновения ледяной воды Славка.

Катюшка пыхтела, но молчала.

Отец доставал из рюкзака еду, повернувшись к реке спиной. А мама радостно присоединилась к дочкам.

После воды тело немного ожило. Славка надела на мокрое тело длинную футболку, а Катюшке на волосы накинула полотенце.

Далеко за горой, откуда текла Кучерла, виднелась первая в Славкиной жизни снежная вершина. — Мы должны догнать Сергея,— сказал отец.

И у Славки снова заболела спина. Вот, значит, как зовут Робинзона на самом деле. Славка не хотела знать его настоящего имени.

— Ты с ума сошёл? — воскликнула мама. — Вечер! Ты бы хоть детей пожалел!

— Нет, ну ты видела, с каким он довольным лицом сегодня убежал? Он думает, что я слабак!

— А ты о детях думаешь? — крикнула мама.

Славка тоскливо зажала голову между колен. Ссора и снежная вершина как-то не вязались между собой.

Пока мама с папой кричали друг на друга, спрятавшись за куст шиповника, как будто шиповник мог заглушить их слова, Славка встала и потрогала свою талию. И поняла, что похудела. Она осторожно провела рукой по бёдрам. Да, ещё чуть-чуть... и Петька от неё глаз не оторвёт! И пусть он никогда теперь с нею не заговорит, зато будет жадными глазами смотреть со своей парты.

Катюшка сопела рядом, одеваясь.

— Может, пойдём дальше? — вдруг сказала она.

И семья снова потащилась наверх. Каждый ручеек теперь они встречали общими восклицаниями:

— О, смотрите! Текелюшка! Давайте ставить заплатку! На тропе? Конечно. Кому надо — обойдёт. Или пусть прыгает с обрыва в реку!

И снова: вверх, вверх, вверх, прямо, вниз, вниз, вверх.

Славка, почуяв славу модели, гнала всех вперёд. Ей нужна была нагрузка. Ей нужна была идеальная фигура! Она скандалила и искала вескую причину для продолжения пути. То через стоянку проходит тропа, то река далеко, то камни могут сорваться прямо на палатку, то дров нет.

Почему-то ей нужна была эта Текелюшка. Как цель сегодняшнего пути.

И вдруг она услышала за деревьями грохот, и через несколько минут семья вышла к водопаду.

На закате по скользким брёвнам никто не захотел переходить Текелюшку, но и единственная подходящая стоянка была уже занята.

На ней сидел старик, похожий на путника. На нём висела жилетка, будто поросшая мхом, тёмного дубового цвета. Он грелся у костра под высокой елью, покрытой настоящим мхом. Руки в глубоких морщинах были тёмно-коричневыми, а борода в темноте казалась зеленоватой.

Сначала Славка услышала его кряхтенье, а затем и голос, напевающий грустную песню из трёх-четырёх нот. На ели Славка заметила белочку, удивлённо выглядывающую из-за ветки. Увидев Славкину семью, белочка взлетела по дереву наверх.

Рядом со стариком лежала странная колода, расщеплённая надвое. Внутри она казалась выдолбленной. Стояла эта колода на берёзовых ветках.

Отец растерянно посмотрел на семью, а мама развела руками. За противоположную гору уходили последние, размазанные по небу, лучи солнца. Славке чудилось, что там, в закате, размыкаются два мира. Как две половинки персика.

— Извините, пожалуйста,— начал отец, выходя на полянку.— Можно мы поставим рядом с вами палатку? Нам нужно переночевать и утром пойти дальше.

— Придёт смерть за старушкой, станет бабка избушкой,— пробормотал дед и начал вить из травы верёвку.

— Нет, здесь мы не останемся,— испуганно прошептала мама.

Славке тоже стало не по себе.

— Извините,— раздражённо попрощался отец.

— Человек вернётся туда, откуда он пришёл,— эхом отозвался старик.

— В землю, что ли?— взорвался отец.

Он не любил сумасшедших.

— Почему ж в землю?— удивлённо произнёс старик, словно впервые обратил внимание на семью.— В дерево, голубчик, в дерево.

Отец покачал головой и, распахив семью своим большим рюкзаком, пошёл вниз по реке. Неподалёку он нашёл небольшую лужайку, на которой поместилась бы палатка. Сил на готовку еды уже не было. Сонная Славка уже привычно впихивала дуги в тент, колышки в землю. Катя сходила к Текелюшке и набрала в котелок воды.

Несмотря на жуткую усталость, Славка долго не могла уснуть, всё ворочалась, ей слышались голоса, казалось, что над палаткой летает огромная птица и страшно кричит. А ночью ей снился человек с двумя собаками.

Глава четвёртая

— Славка, вот за что ты любишь всё это?

— Что всё? Тебя, что ли? И правда, за что?

— Ну, я— спорный вопрос. А остальное? Эти затерянные в лесах домики, развалившиеся мосты? Эту деревню с коровами?

— Узнезю?

— Ну да... Все мечтают поехать в большой город.

— А я живу в большом городе. Но ты ведь помнишь, какой я сюда приехала?

— Вредной и нудной?

— Типа того. Я не знала тебя. Я не была знакома с прабабушкой. Я не тонула в Катунь. Мне кажется, что месяц здесь был лучшим временем моей жизни. И теперь всё будет по-другому. Это была последняя сказка детства.

— Сказка? Ну ты и скажешь... Мытьё полов, грядки с сорняками, пьяный дядя Вася на сеновале.

— А ты помнишь, как тебя собака цапнула, когда мы за Лёшкой следили?

— А как за тобой прабабушка с тряпкой по огороду бегала?

— До сих пор папа болит!

— Зато мы на дискотеку попали!

— Как же я по тебе скучать буду, Наташка...

— А по коровам?

— И по коровам!

Было раннее утро. Машина гудела. Папа целовал прабабушку, и та вытирала сухими пальцами глаза. Наташка стояла на крыльце в одной ночнушке.

— Так ты точно уезжаешь?

— Да...

— А когда вернёшься?

— Не знаю...

Ната усмехнулась, прикусила губу и отвернулась к стене:

— Бабушка всё-таки переезжает. В сентябре.

— Неправда!

— Правда.

Славка смотрела Наташке в лицо, пытаясь понять, как теперь жить. Она до последнего надеялась, что этого не произойдёт.

— А как же Узнезя?

— ...

— А прабабушка? А Светка?

— ...

Мама позвала Славку.

Тогда она неуклюже чмокнула Нату в щёку и побежала из ворот на улицу.

Закинула голову так, чтобы предательская слеза не вылезла наружу. Ведь она терпеть не может, чтобы кто-то видел её слабой...

Машина дёрнулась и поехала.

Славка оглянулась.

На мокрой земле у забора босиком стояла Наташка и махала рукой.

Утром кашей занималась Катюшка. А Славке было приказано прибрать стоянку. И оставить её такой же, какой они её нашли.

— А бутылку из-под пива под куст тоже обратно кинуть?— ныла Славка.

Из леса вышла толпа молодых парней с собакой. Собака подбежала к Славке и сразу облизала ей лицо. Парни оказались симпатичными, и Славка заигрываяще гладила собаку, чтобы они оценили её доброту и приветливость.

Компания оказалась из Екатеринбурга, она искала верхнюю тропу на Каратырек. Отец предложил им допить горячий чай, а они спросили семью, не нужен ли им пёс. Пёс, по их словам, умел бегать по камням, есть чужую еду из тарелок, просить добавки, противно лизать в губы и выть по ночам. Тащить на перевал его не хотелось, а пёс пристал к компании ещё в Кучерле. Его алтайское имя они перевели по-своему: Сопливчик.

Отец вежливо отказался.

Парни изобразили на лицах удивление, перешли Текелюшку по висящему над водой тонкому бревну и вскоре скрылись, не удостоив Славку романтического взгляда. Славка решила, что никогда в жизни не поедет в этот, как его, Екатеринбург.

Совершенно оглохнув от грохота небольшого водопада, от его брызг, она была рада пойти дальше. Перейдя по гнилым и скользким брёвнам, кряхтящим и расплзающимся под ногами, Славка поблагодарила духов леса за то, что не упала в Текелюшку, и снова стала подниматься в гору. Отец перед переходом через реку заставил девочек расстегнуть рюкзаки. На тот случай, если они поскользнутся, нужно было скинуть рюкзак в воду, чтобы его тяжесть не утащила вниз по реке.

Славка снова пела про себя песенки, вспоминала всех родственников и одноклассников.

Неделю назад они с Петькой сидели на детской площадке и спорили о необычных вещах. О том, как легче и лучше умереть. Медленно и безболезненно замёрзнуть среди снегов, как путешественники. Или быстро сгореть в лаве вулкана. Петька голосовал за вулкан. А Славке больше нравилась романтическая смерть у заметённых снегом саней с доказательствами того, что она дошла до Ледовитого океана и нашла новую землю, как герои «Двух капитанов». Ни Славка, ни Петька не хотели уступать, поругались и не здоровались друг с другом до самого отъезда.

Славка мечтала о привале, чтобы оглядеться по сторонам и полюбоваться на приближающиеся «белки».

Они поднялись уже высоко над уровнем моря. Деревья здесь были в основном хвойные. Грибы росли на каждом шагу прямо на тропе. Но для того, чтобы их сорвать, нужно было наклоняться. А это значит — расходовать жизненную силу, а это непрактично. И грибы росли дальше.

Когда опять спустились к реке, то сразу увидели большой крест, прислонённый к валу. На нём значилось, что лежавшая под ним девушка погибла тридцать лет назад при сплаве по Кучерле.

Почему-то Славке вспомнилась фраза, сказанная отцом на привале: «Странные всё-таки люди. Они покоряют вершины гор, реки. Но они пришли и уйдут. А горы и реки останутся такими же гордыми и неприступными. И „промелькнёт“

у них мысль: пропустить ли этого очередного настоящего человека или сдунуть? Как мы сдуваем муравья, ползущего по ноге. Или прихлопываем его».

Неподалёку лежали голые камни. Значит, морена была уже близко.

Под деревьями развалились три мужика. Знакомая уже собака лизала физиономию одного из них. Видимо, собаку всё же пристроили в хорошие руки. — Здравствуйте, — сказал отец.

— И вам того же! — откликнулись из-под дерева.

— Вы откуда? — задала традиционный вопрос мама. — Из Хабарововска, — ответили мужики.

— Здорово! А мы из Красноярска.

— Ага!

И Славкина семья отправилась дальше. Славка на прощание снова почесала собаку за ухом.

На противоположном берегу вдруг открыл свои бока водопад Тегеек.

— Пятьдесят метров! — не оглядываясь, сказал папа.

Славка на ходу открыла распечатанный маршрут, который таскала в кармане. Дорога шла утоптанная, и Славка смогла прочитать восторженный отзыв об этом водопаде. Издалека он не казался таким уж замечательным и великолепным, как того требовала инструкция. Может, Славка просто уже устала от красоты и от водопадов.

По стволу старой сосны ползали жирные золотистые муравьи. Один из них заполз к Славке в рюкзак, пока все фотографировали Тегеек, и Славка решила закрыть его там и отнести к собратьям на Кучерлинское озеро.

Потом она достала, пока не видит мама, «зачачку» — жевательную резинку из бокового кармана. Бросила в рот две штуки и впервые поразились, насколько это было невкусно. «Одна сплошная химия!» — разочарованно поморщилась Славка и сорвала букет из ягод костяники.

А в это время отец набрёл на свежую стоянку. Он по каким-то только ему ведомым признакам понял, что здесь недавно был Робинзон.

— Ага! — злорадно сказал отец, посмотрев, как зоркий сыщик, вдаль. — Мы их догоним!

И он потащил свой самый тяжёлый рюкзак первым. За ним подпрыгивала Катюшка. А за Славкой шла мама и подбирала вещи, вываливающиеся из рюкзака старшей дочери.

Морена... Глядя на высоченную гору камней, Славка поняла, почему о ней так много говорил Робинзон. Она уже проклинала ту необъятную глыбу льда, которая миллионы лет назад пихала эти булыжники и потом растаяла, образовав Кучерлинское озеро.

— Ой! — вдруг пискнула сзади мама.

Славка увидела, что наступила на чужой след. Это был огромный свежий след — Славкина нога казалась в нём совсем крошечной. В продавленных ногтями вмятинах блестела вода.

— Медведь,— просипел отец.

Славка вдруг поняла, что стоит на медвежьей тропе. Тут же она заметила шерсть на кусте и несколько капелек крови на листьях.

— Он охотился... — с ужасом в голосе сказала мама, и Славка схватила Катюшку за руку.

Они сделали вместе несколько шагов вперёд — и вдруг из-за поворота увидели большую кучу светло-коричневой шерсти.

Славка икнула и загородила собой младшую сестру. Отец отступил назад и зашипел:

— Не смотрите ему в глаза, не смотрите ему в глаза!

Мама сзади дёрнула Славку за футболку и повторила:

— Отступаем назад, отступаем назад! Это его добыча и его тропа. Уходим. Уходим.

— Не волнуйся,— говорил отец, обращаясь к медведю, который недовольно заворчал.

Славка послушно отступала назад и смотрела себе под ноги, чувствуя, как холодеет рука её сестрёнки.

— Мы уходим. Ты здесь хозяин, а мы гости. Мы только гости.

По удаляющемуся рычанию и треску кустов Славка поняла, что медведь, прихватив добычу, уходит в лес.

Она никогда и представить себе не могла, что увидит настоящего медведя. А медведь окажется настолько умным. И большим.

Отец молча и быстро повёл семью по другой стороне морены. Мама тихо плакала сзади. Славка так и не отпустила руку Катюшки. У той глаза стали ещё шире и ярче, чем обычно, и немного походили на медвежьи.

Славка чувствовала, что у неё появилось много, очень много сил.

В голове теперь крутилась песенка Крылатова со старого диска: «Мы шагаем, да не в ногу, что-то песен не слышать. Каменистую дорогу трудно преодолевать».

Вдруг камни побелели, подъём прекратился, и Славка поняла, что они зашли на самый верх морены. Здесь на кедрах были повязаны разноцветные ленточки. Славка уже знала, что таков обычай тех, кто хочет сюда вернуться. Славка пока не хотела, поэтому присела на большой камень на краю обрыва и увидела огромное озеро.

Может быть, Кучерлинское озеро и не было таким уж огромным, но это было первое Славкино горное озеро.

Глава пятая

Кучерлинское озеро было окружено хвойным лесом, над ним возвышались белые вершины гор, поблёскивающие на солнце, как стёкла. Змейкой вилась среди этих гор, больше похожих издалика на холмы, речка Кучерла, берущая своё начало где-то там, среди этих ослепительных вершин.

Славка посмотрела вниз, где по поляне прыгали две маленькие фигурки и махали ручками. Наверное, туда и следовало идти. Человечки были очень похожи на Мишку и Антошку.

Славка оглянулась на родителей. Отец зачем-то молча копался в земле, Катюшка залезла на старый кедр, увешанный ленточками, и оттуда смотрела на озеро своими огромными глазами. А мама, закрыв глаза и раскинув руки в стороны, стояла под солнцем.

— Почисти и можешь съесть,— сказал папа и дал Славке странную луковицу.— Это слизун, дикий лук. Хорошая штука.

— И мне, и мне! — Катюшка сползала с кедра, вокруг которого земля была очищена от веток, а примерно в метре его окружали наваленные камни.

Спуск был едва ли легче подъёма. Ноги скользили по траве и грязи. Приходилось идти серпантинном, делая большие зигзаги. Славке казалось, что они так никогда не спустятся. Наконец она не выдержала и, обогнав отца с его самым тяжёлым рюкзаком, поскакала вниз.

— Не упади! — кричала сзади мама.

— На камнях осторожнее! — волновалась Катюшка.

— Вот коза! — ворчал отец, который не любил, чтобы строй разрушался.

Славка всё-таки не удержалась, грохнулась, в последнюю секунду извернувшись, как кошка, и шлёпнулась на пятую точку. Опомившись, осторожно и медленно добралась до Кучерлинской долины.

Славка сразу поняла, что отец был прав и Кучерлинское озеро — это рай на земле. Вокруг вился сладкий запах незнакомых горных цветов. Кусты ломились от спелой жимолости и смородины. Почти под каждым деревом она видела съедобные грибы, которые и не собирались прятаться от людей.

Антошка выпрыгнул из кустов с боевым воплем. — Смотри, сколько тут брусники! — завопил он.

Славка прошла за ним на соседнюю поляну и упала у кострища. Тело горело. Славка ничего не видела перед собой и только сейчас поняла, что больше не может пошевелиться. Она никогда в жизни больше не встанет на ноги. Будет всегда лежать и смотреть на озеро.

Подул лёгкий горный ветерок, и Славка почувствовала, что одежда на ней насквозь мокрая. Тогда она скинула с себя Ура и вытащила из него купальник. Когда из лесу вышла вся семья, Катюшка тоже достала купальник, и обе сестрёнки бросились в воду.

Но озеро только с виду казалось дружелюбным.

Вода обожгла тело, а дно оказалось усыпано острыми, как иглы, камнями. Славка с Катей, не сговариваясь, упали в воду, которой было всего по колено, и поползли вперёд. Через несколько секунд Славка поняла, что ей свело от холода

ноги. Она посмотрела с ужасом на сестру и не смогла ничего сказать. Катюшка завопила что-то нечленораздельно, и сёстры бросились обратно на берег. Славка впервые в жизни чувствовала, что тонет. У берега.

Когда Славка выползла на землю и тёплую траву, мама только покачала головой на Катюшкины всхлипы.

Пока папа и Катюшка ставили палатку, мимо лагеря вверх по озеру, к ледникам, прошла компания молодёжи из Польши, несколько мужиков из Санкт-Петербурга и два чеха. Славка и Мишка сходили за дровами. А в это время с соседнего берега к их лагерю приплыл катамаран.

— Абориген,— пошутил папа.

«Аборигена» звали Димой. У него были протёртые до дыр штаны и сонное лицо.

Дима без церемоний уселся у костра и спросил, что готовят женщины. Галина и мама сухо ответили, что уху.

Тогда он рассказал, что один «не очень новый русский» скупил половину озера, поставил себе баню на противоположном берегу и иногда прилетает сюда помыться и отдохнуть. А Диме приказал снимать со всех туристов плату за стоянку на озере.

— Поэтому все и уходят подальше,— прошептал отец Робинзону.

— А сегодня День морского флота!— подмигнул Славке «абориген».

Славка поняла, что это что-то значит. Но не поняла, что именно.

— Хотите чай с жимолостью?— вежливо спросил Робинзон.

«Абориген» поморщился.

— Вы денег мне дайте. Или на День морского флота. И потом я поплыву дальше. Там вроде иностранцы прибыли. Они хорошие.

Славка по отцовскому лицу поняла, что скоро им снова куда-то идти.

Тогда она вытащила из рюкзака свой блокнот для рисунков и села прямо напротив «аборигена». Ничего примечательного в его внешности не было. Он был обычным русским мужиком. Но всё равно Славка внимательно рисовала его фигуру.

— Что это?— смутился Дима.

— Я вас рисую,— улыбнулась Славка и увидела, как Робинзон с отцом понимающе переглянулись за спиной «аборигена».

— Ой, как приятно,— покраснел гость и начал позировать, забыв о цели своего визита.

На другой стороне озера раздался жуткий вой. Все вздрогнули. По берегу носилась собака и выла.

— Это она скучает. Меня потеряла. Ты рисуй, рисуй.

Славка отложила блокнот.

— Смотрите!

Собака вдруг бросилась в озеро в самом узком месте и поплыла на другой берег. Взвизгнула, развернулась обратно. Но то ли течение в этом месте было сильным—здесь начиналось основное русло Кучерлы, то ли собаке тоже свело холодом лапы, но через минуту она исчезла с поверхности озера.

Все несколько минут молчали. А потом Катюшка захлюпала носом.

«Абориген» хмыкнул, сел на катамаран и поплыл брать деньги с чехов.

Едва родители успели поставить палатку, как за озером в темноте исчезли горы, потом на воде появилась странная рябь, будто вся поверхность озера покрылась рыбой. И начался град. Славке казалось по грохоту, что со всех окрестных гор вокруг полетели камни.

Шум стоял такой, что приходилось кричать друг другу, сидя вплотную в центре палатки. Тент прилипал к ткани. Палатка мгновенно промокла.

Славка выглянула в крохотный тамбур и поняла, что в просветах между тентом и травой что-то белеет.

— Папа, смотри!

— Что опять случилось?

— Снег!

— Где?

— Тут!

Пока град стихал, Славка с Катюшкой, укутавшись в спальники, пели детские песенки, мелодию из «Титаника» на кривом английском и «Рамштайн» на ещё более кривом немецком.

И это был конец июля! Когда град кончился и обе семьи выползли из палаток на белый свет, свет действительно был белым. Вся земля вокруг была покрыта крупными ледяными шариками. Тут же в Славку попал снежок, а Антошка со смехом убежал в лес. Славка быстро надела сапоги и погналась следом.

Катюшка слепила мороженое и сосала его, стоя у заваленного снегом кострища. Когда Славка вернулась, из палатки вылез Мишка и спросил:

— Ты в какой школе учишься?

— В обычной.

— А в каком классе?

— В восьмом.

— А я в пятом. У нас хороший класс. Правда, девочки дуры. А у вас?

— А у нас пацаны дураки.

— Ой...

Из леса вышла недавняя собака-утопленница. Катюшка сразу налила ей в тарелку супа. А папа пошёл перепрятывать сало. Весь оставшийся день Славка с мальчишками посылали на противоположный берег дымовые и звуковые сигналы. Махали руками, кричали, прыгали. Но всё было бесполезно. Видимо, «абориген» Дима праздновал День морского флота с чехами.

Мимо прошёл замёрзший москвич.

— Смотри, как криво рюкзак собрал, — прошептал отец, обращаясь к Робинзону.

— Наверное, так в Москве принято, — усмехнулся тот.

Мама накормила путника супом. Тот погладил мокрую собаку, и когда уходил, она увязалась за ним.

— Как вам, кстати, переход через Текелюшку? — поинтересовался у отца Робинзон и почесал бороду. — Ничего так переход. Хорошее брёвнышко. Анекдот один вспомнил. Идут альпинисты в горах. Надо перейти пропасть по тоненькому брёвнышку. Все боятся. Тут идёт местный пастух с бараном. Барана на плечо — и перешёл спокойно. Туристы ему: «Слушай, перенеси нас всех, заплатим по рублю с человека!» Он всех перенёс, остался последний. До середины донёс, зашатался, взял да и кинул туриста в пропасть, сам дошёл. Остальные пастуху: «Ты чё, мужик, обалдел? Ты чё наделал?!» А он им: «Да чего там, рублём больше, рублём меньше».

Славка отцовские анекдоты знала наизусть, поэтому побрела одна вдоль берега.

Снег быстро таял. И лес вновь становился летним.

Славке показалось, что недалеко от берегу стоит человек. Он наклонился и разводит костёр. Когда она, стараясь не шуметь, подошла ближе, то увидела, что это нагибина — наклонённое сухое дерево. Славка вдруг вспомнила медведя на тропе. Собаку, уплывающую по реке. Свой страх в ледяной воде.

У неё задрожали от усталости ноги, и Славка присела на нагибину.

В озере отразился золотой закат. Славка вдохнула полную грудь свежего воздуха и медленно выдохнула. Голова закружилась, и ей показалось, что вот сейчас небо и озеро должны поменяться местами. В воде засверкала первая звезда. А на небе Славка её не нашла. Горы потемнели. Они были совершенно одинаковыми вверху и внизу. Чёрными, как будто нарисованные углём. Деревья и горы словно объединяли эти два мира. Земной и небесный.

И только теперь Славка захотела в горы. Туда, ближе к звёздному миру.

Глава шестая

От озера поднимался туман. Он скрывал от взгляда всё, что находилось дальше пяти метров. «Островок» с палатками вдруг остался один на всей планете. Деревья исчезли, горы растворились. Славка, проснувшись утром, хмыкнула и рискнула пробиться сквозь туман. Пока она на ощупь шла к воде, туман хватал её за руки своими сгустками плотного воздуха, оплетал ноги и сковывал движения.

Сегодня они должны были вернуться к Текелюшке, подняться до перевала Каратюрок и остановиться у его подножья, в некоей долине кедров.

Где-то в мраке вспыхнуло солнце, и всё встало на свои места. Славка обнаружила, что очень далеко отошла от лагеря. И совсем не в сторону озера. Туман уходил в горы, точно на сливки, которые медленно наливают в стакан с кофе.

Горы опять раздвоились: одна их половина стояла как и раньше, а другая зеркально опустилась в безмятежное озеро. Всё живое, замерев, немигающими глазами смотрело на солнце, не спеша поднимающееся из-за горы.

Славка с сожалением глянула в сторону лагеря. Ей хотелось остаться здесь подольше. Лужайка, на которой они ночевали, была правильной круглой формы. На большой сосне в центре сидела птица и внимательно смотрела на девочку. Славка помахала зачем-то птице рукой. Незнакомая птица покачала головой. А дерево вдруг зачудило, зашумело. Птица взлетела, сделала круг над лужайкой и полетела куда-то за озеро. Лес запел, засвистел, ожил. Славка ущипнула себя за руку. У неё было ощущение, что она только что вернулась из параллельного мира.

Из палатки выглянула сонная мама.

— Ты когда успела встать? — удивилась она и зевнула. — Надо сегодня сделать зарядку.

В палатке недовольно застонала Катюшка.

Мама заставила девочек встать кругом около дерева и стала показывать разные упражнения. Антошка и Мишка проснулись и стали разводить костёр, хихикая. А Славка и Катя обречённо махали руками и ногами.

— Веселее, веселее, — подбадривала их мама. — Мышцы нужно разминать перед и после дальней дороги. Сегодня мы будем долго идти. Очень долго и далеко.

Последние слова она сказала с грустью, даже перестав показывать движения.

Солнце светило прямо в лицо, скрывая от глаз дорогу. Славка постоянно оглядывалась на Кучерлинское озеро, прощаясь с ним. Робинзоны остались на берегу досушивать палатку.

На морену семья взошла молча. Катюшка появилась на ветку кедра тряпочку. И все четверо опять стали спускаться вниз.

.....
— Славка, прыгай! Трусиха! Я смогла, и ты тоже сможешь! Давай резче!

Наташка плавала под скалой и смахивала с лица капельки воды.

— Ага! Тебе легко говорить! Ты здесь дно знаешь! А я не для того с гор спустилась, чтобы в деревне угробиться!

— Давай толкну!

Наташка уже выползла на берег с явным намерением подняться к Славке на выступ.

— Стой! Ещё шаг сделаешь и... Ой! Ты совсем того, да? Не трогай! Убью-у-у...

Отплывываясь, Славка вынырнула из воды и со звериным блеском в глазах посмотрела наверх.
— Ну чё? Не сдохла же?
— Я тебя...
— Отодвинься, я прыгаю!
— И речка выйдет из берегов!

Наташка зажала нос, присела и плюхнулась рядом со Славкой. Вынырнула из мутной воды со счастливым лицом.

— Давай теперь Лёху утопим!

Славка посмотрела на своего троюродного дядю, подплывающего к ним. Лёхе было уже пятнадцать лет, и он не по годам был высок и красив.

— Да ну тебя на фиг. Не буду я его топить. Сама топи.

— Да ты чего? Такой прикол будет!

— Ага, прикол. С жертвами.

Ната загадочно улыбнулась и с новым интересом взглянула на скалу, откуда недавно скинула Славку.

— Слу-у-ушай...

— Чего?

— А если скинуть?

— Кого?

— Лёху со скалы. Вот хохма будет!

Славка скривилась и мрачно поприветствовала Лёшку, в ответ тот дёрнул её за косу и быстро отплыл на безопасное расстояние.

— Ната, это тебе он двоюродный брат, а мне аж троюродный дядя. Я с ним никогда до этого лета не общалась. Ну и чё к чему я буду его топить? Я даже не знаю, о чём с ним разговаривать.

— Тогда влюбись и...

Славка накинулась на Наташку, вдавила её в тёплую воду и за ногу потащила к другому берегу озера Манжерок. Там, обнявшись, сидели её папа и мама. Сзади внезапно налетела Катюшка, и они вдвоём с вырвавшейся Наташкой накинулись на Славку сверху.

.....

Шли практически без привалов.

Лес и тропа были знакомыми. Славка почему-то думала о том, что лес везде одинаков. Только деревья разные. И судьбы у них тоже разные. Хорошо, что здесь остались сравнительно не тронутые человеком места.

Когда Славка сквозь деревья услышала знакомый грохот горной Текелюшки, небо стало кричать и непривычно потемнело.

Очень хотелось пить. Но отец пить в дороге запрещал. Да и Славка уже почувствовала, что если много пить во время ходьбы, то через полчаса начинаешь задыхаться и становится трудно идти.

На обед они остановились перед Текелюшкой. Славка побегала налегке по каменистому берегу вверх и вниз. Везде виднелись вытопанные стоянки, соединённые друг с другом еле заметными

тропами. Славка почувствовала себя первобытным человеком. И спряталась в кустах, когда мимо вниз по Текелюшке прошла компания туристов.

Начал накрапывать дождь. Рюкзаки перетащили под дерево, в сухое место.

— Скоро мы будем в деревьях жить, — усмехнулась мама, — как в стародавние времена. У меня опять такое же состояние, как тогда, на болоте.

Она стояла у бурлящей, падающей с камней воды и смотрела на другую сторону реки. Славка встала рядом. И правда. Будто тот мир, в котором она жила до этого похода, остался там, за Текелюшкой. А в этом мире ей мерещатся бегающие деревья, она принимает их за людей и обращает внимание на странных птиц.

Пока Катюшка с мамой готовили обед, мимо пробежала семья Робинзонов и, понюхав вкусный пар от грибного супа, пошла наверх. Славка посмотрела им вслед. Тропа уходила высоко в горы, вверх по Текелюшке. Туда, где, судя по цвету гор, шёл уже не дождь, а снег.

Славка села рисовать. Она укуталась в дождевик, накинула на голову платок и открыла блокнот. Сначала набросала фигуры мамы и сестры, склонившихся над костром. Перевела взгляд на другой берег Текелюшки. Там стояло дерево, в которое когда-то ударила молния. Славка нарисовала треугольное основание с поднятыми кверху ветвями-руками.

Потом все сели рядом и, прижавшись спинами друг к другу, ели суп. Папа спрятал пакет с сухариками у себя под рубашкой и возмущённо отмахивался от тянущихся к нему рук.

.....

— Слушай, как целоваться хочется...

— Ага.

— А ты целовалась уже?

— В отличие от некоторых.

— В отличие от кого это?

— Приятно?

— Ты не увливай!

— А я вопрос задала.

— Когда как.

— Ой, ну конечно. Типа много раз.

— А чё?

— На такую-то...

— На какую такую?

— Да вот на такую.

— Что-то ты, Ярослав, лексикон-то свой обогащаешь и обогащаешь, я посмотрю.

— А где Лёшка с Мишкой?

— Не знаю. На речке, наверное.

— А Катюшка?

— В доме с прабабушкой.

— А... наверное, она грядки полет. Хорошо, что мы убежали.

— Да стыдно как-то.

Глава седьмая

— Скоро бабушкины сёстры придут?
— И дядь Митя придет. И тётя Надя, и тётя Маша.
— А тётя Зоя?
— И мамка тоже. Ты в Катюни уже плавала?
— Я чё, сумасшедшая? Меня же унесёт сразу же.
Один раз чуть не унесло на Семе. Больше не полезу.
— Да ну, все плавали. Унесло всего один раз, пацана из другой деревни, несколько лет назад. Но он шуплый какой-то был. Главное—далеко не заплывать. А то попадётся в водоворот—не вернёшься.
— Надо с кем-то плыть. Может, Топчылая попрощать?
— Или Лёшку?

.....

Тропа поднималась по обрывистому берегу Текелюшки. Кучерлинское и Аккемское озёра разделены горными хребтами, через которые есть несколько перевалов. Самый лёгкий из них—перевал Каратюрек, три тысячи двести метров над уровнем моря. На остальные перевалы ходят только профессиональные альпинисты со снаряжением.

Подъём оказался очень тяжёлым. Высокие камни, которые приходилось обходить, грязь, стекающая по тропе, обрывающиеся из-под ног куски земли. Удерживаться порой удавалось только с помощью лыжных палок, от которых на равнине было мало толку. Привал устроили только один раз. Не снимая рюкзак, Славка прислонилась спиной к камню и, закрыв глаза, долго пыталась восстановить дыхание. Отец спустился к реке и фотографировал водопады. Мама с Катюшкой набирали на всякий случай в пластиковые бутылки вкусной горной воды. Слева, за Текелюшкой, начались отвесные скалы.

Славка посмотрела вниз. Их стоянку, да и Кучерлу, уже не было видно. Горы заметно опустились и ушли вдаль.

Славка поправила платок, который сбился на голове, и, несмотря на холодный ветер, незаметно от мамы расстегнула рубашку.

Часа через два семья остановилась вновь. Здесь русло Текелюшки раздваивалось. Она брала своё начало в двух местах и из двух источников. Отец, недолго думая, повёл всех по правому руслу.

Славка сильно сомневалась насчёт того, что они идут правильно. Но затем Катюшка заметила в стороне от тропы в траве кепку Галины, жены Робинзона. Славка прицепила её к своему рюкзаку.

Часа в три дня настоящий лес кончился, трава почти исчезла, и впереди виднелись только голые камни. Везде. Сверху, справа, слева. Каменная пустыня, бесконечным снегом уходившая в серое небо. Здесь на небольшой каменной площадке росли только кедр.

Это была последняя стоянка перед подъёмом на перевал Каратюрек.

Долина кедров.

Славка прыгала у костра, пытаюсь согреться. Если посмотреть на заснеженный перевал, то можно увидеть физиономию Деда Мороза. Большой нос, шапка с помпончиком и борода.

Холодало, мимо стоянки плыли хмурые тучи, моросящий дождь постепенно переходил в снег. Никакого разговора о том, чтобы догнать Робинзона и пойти на Каратюрек, уже не возникало. Мама с Катюшкой поставили палатку в самом центре долины кедров. Славка никогда ещё не видела столько древних кедров.

Кедры росли выше по горе, чем текла Текелюшка. Отсюда и начиналась река. Тонкий ручеёк перепрыгивал по камням, кое-где почти полностью уходя под землю.

Облака цеплялись за верхушки кедров, иногда подплывали к палатке и скрывали её в своей мороси. Когда ветер разгонял их, то Славка видела, что эта каменная равнина тянется почти до самого горизонта.

Славка пошла бродить по окрестностям и разглядывать старые деревья.

Сначала она увидела много туров—каменных пирамидок, которые каждую весну делают горные первопроходцы. Туры встречаются в горах там, где нет никаких иных указателей на тропу и где нет настоящих троп, как в лесу.

Конечно, тропу можно опознать по белым камням, вытертым горными ботинками. Но горы двигались. Славка пока никак не могла понять, как именно. Но двигались. Наутро можно было не обнаружить каменной тропы, по которой ты пришёл вечером на стоянку.

Славка добралась до самого последнего дерева в долине. Там стоял одинокий громадный древний кедр с толстыми ветвями. Славка вспомнила кедр на морене у Кучерлинского озера и решила сделать вокруг этого такой же круг из камней. Она долго ворочала их, складывая друг на друга.

— Ты понимаешь...— вдруг начала Славка, обращаясь к кедру, когда распрямилась над камнями.— Я первый раз пришла в горы. Я никогда ещё не ходила так далеко и так надолго. Мне казалось, что я должна бояться обрывов, рек, камнепадов. А мне нравятся деревья. Нравиться ты. Это ведь нечестно, что тебя никто не любит, как тот кедр на перевале. Ты такой старый, долговечный. А мне всего четырнадцать лет! Ты высокий, а я маленькая. Ты широкий, а я тонкая. Ты самый что ни на есть высокий кедр со всей долины.

Славка оглянулась по сторонам. Вдруг кто-нибудь её слышит? Но облака затянули даже физиономию Деда Мороза. Тогда Славка подошла к кедру, переступив собственное каменное сооружение, и осторожно погладила кору. Дерево было очень тёплое, будто вместо смолы в нём текла настоящая человеческая кровь.

— Давай я оставлю в тебе кусочек себя. Ты ведь меня запомнишь? Правда? Ты помнишь все облака, которые пролетают мимо. Ты должен запомнить меня. Пока ты не упадёшь, так и со мной будет всё в порядке, слышишь? А если твои ветви опадут, значит, и мои дела плохи.

Славка отстранилась немного и вдруг увидела в ветвях небольшую дощечку. На ней был написан адрес: город Томск, дальше номер абонентского ящика и индекс.

Славка очень удивилась. Она решила запомнить этот адрес, а потом из родного города написать в Томск письмо. А вдруг там живёт красивый молодой альпинист? У него ещё нет бороды. Но он заметил этот кедр. И он знал, что когда-нибудь сюда придёт Славка и увидит его послание.

От этого внутри у Славки что-то приятно колыхнулось.

— Дорога, дерево, род, корень,— задумчиво произнесла она.— А вдруг в этих словах есть что-то общее, помимо буквы «р»? Пер-р-ревал. Гр-р-раница.

Славка посмотрела на заснеженную вершину. Это такая граница, которую будет сложно преодолеть. Никакая морена с медведями с настоящим перевалом и рядом не стояла. А вдруг здесь есть волки? А она тут одна. Беседует с деревом.

Как много странных границ в этом горном мире, подумала Славка. Перевалы, реки.

Она пригляделась к невысоким и невзрачным кустам, росшим неподалёку вокруг кедра. Что-то они ей напоминали... Точно! Можжевельник!

Вспомнился алтаец с мясом. Тогда она пошарила по карманам, нашла добытый с боем у отца сухарик, подержала его в руке, положила под кедр. — Если тебя хоть кто-нибудь тронет, хоть одну ветку отрубят, пусть у него тогда что-нибудь отвалится,— прошептала Славка и села на одну из низких и крепких ветвей кедра.

Она прислушалась. Кедр шелестел на ветру. А разве кедры шелестят? Они же не берёзы. Славке очень хотелось услышать, что же ей ответит кедр. Может быть, кроме незнакомого адреса в Томске, он ей даст ещё что-нибудь? Прорицание?

Ей казалось, что этот кедр дышит, что он смотрит вдаль и думает о чём-то. Что он молчит, точно мудрый старик, иногда вздрагивает от порывов ветра. Или плачет по ночам. Широкие ветви с незрелыми шишками были похожи на крылья. А корни, выдавливающие камни из земли,— на птичьи лапы. А сама Славка сейчас закроет глаза, вцепится в кедр и полетит. Полетит над горами, над перевалом, над Кучерлинским озером...

— Славка-а-а!— раздался вдалеке мамин голос.

Славка очнулась.

Ещё раз погладила кору кедра и побежала в лагерь.

Быстро темнело, и долина кедров вдруг наполнилась голосами. Откуда-то с гор пришла

компания туристов с «кошками» наперевес для того, чтобы ходить по льду. Они поздоровались, сказали, что приехали из Казахстана и разбили лагерь немного ниже от Славкиного.

Славка вдруг посмотрела на себя в маленькое мамино зеркальце и ужаснулась. Она совсем одичала. Пришлось срочно приводить себя в порядок.

Вскоре с перевала спустились ещё несколько человек— очень угрюмые и печальные. На их головах были странные разноцветные шапочки, а за спинами— невесомые рюкзаки. Наверное, эти люди совсем ничем не питались.

Мама вежливо спросила их, откуда они. И те ответили, что из Вологды. Затем они развели костёр недалеко от Славкиного лагеря и сели около него. Никто не раскладывал палаток, не готовил еду. Они просто сидели у огня и смотрели на него.

Совсем стемнело, и Славка старалась не отходить от своей палатки и костра. К ним из темноты вышел парень. Славка дала бы ему лет девятнадцать. Видно было, что он совсем замёрз, поэтому молча подошёл к огню и улыбнулся.

Славка тоже улыбнулась и мысленно поблагодарила кедра.

Парня звали Сергеем. Он приехал из Москвы, он всю жизнь хотел попасть на Белуху, но не знал, что на неё без снаряжения не подняться. Он учился в Бауманке на первом курсе, жил в Подмосковье. Славка улыбалась всё шире и шире. Сергей казался ей очень загадочным и красивым.

— Можно я посижу немного у вашего костра?— спросил он.

— Конечно! Хочешь каши?— Славка загремела посудой, и из палатки высунулась Катюшка.

— Ма-а-ам,— сказала она,— Славка кого-то нашей кашей кормит!

Тотчас из палатки выползла и мама.

— Здравствуйте,— улыбнулся Сергей, но на маму его улыбка никак не подействовала.

— Здравствуйте. Извините, а вы надолго к нам?— спросила она.

Из палатки, толкаясь в проходе, появился отец. — Я бы хотел остаться ночевать в вашем лагере. У вас случайно места в палатке нет свободного?

Папа с мамой переглянулись. Славка с ужасом подумала о том, что родители сейчас выгонят такого красивого мальчика от костра.

Отец вышел, обулся и встал рядом со старшей дочкой.

— Извините, а где ваши вещи?

Славка и не заметила за улыбкой, что у Сергея нет рюкзака. Только одинокий тонкий спальник висит за спиной.

— Я не брал их. Люди добрые, кто в палатку пускает, а если нет, то я сплю в спальнике под деревьями. Ваша дочь меня кашей угостила.

— Ты что ж, прибиваешься, как придорожный пень? Никого она не кормит. Слав, нам завтра

Глава восьмая

вставать в шесть, мы не успеем приготовить завтрак. Поедим и пойдём на перевал.

— О, я покурил на перевале, это так... — хотел вставить Сергей, но отец перебил его и обернулся к Славке:

— И ты будешь есть свою кашу. Переход предстоит тяжёлый.

Но Славке уже было очень обидно за себя и за Сергея. Как здорово было сидеть с ним в темноте у костра и расспрашивать о жизни в университете!

— Я не хочу. Пусть ест мою.

— Спасибо, — улыбнулся Сергей.

Тогда отец силой поднял Славку за шиворот и молча указал ей дорогу в палатку. Она хотела что-то возразить, но только проглотила обиду и заползла внутрь. Она знала, что отец ненавидит людей, который ходят по горам без подготовки. И что дальше она отправится либо со своей семьёй и с кашей, либо с Сергеем и без палатки. Поэтому Славка укуталась в спальник и заплакала.

В полночь со стороны вологодской компании раздалось странное пение. Славка вылезла, сказав, что ей нужно в туалет, и подкралась к соседним деревьям. Люди раскачивались из стороны в сторону и выли. Иначе эти звуки Славка никак назвать не могла. Люди наклоняли головы, молитвенно сложив руки на груди. Затем один мужчина начал говорить, а остальные не прекращали своего пения. Одна женщина заплакала. Славка обернулась на свой лагерь и увидела, что к ней сзади подошёл Сергей.

— Что они делают? — спросила шёпотом Славка. — Они готовятся к смерти, — на лице Сергея она не видела недоумения. — Не обращай внимания, это обычная секта. Эти вот боятся умирать, они где-то прочитали, что сегодня какие-то планеты встают друг за другом и что Земля погибнет через несколько часов.

— А мы тоже погибнем? — испугалась Славка.

Но потом успокоилась. Она не зря сегодня общалась с кедром, чтобы умереть. Такие вещи не происходят просто так.

— Нет. Чудики тоже скоро удивятся, что живы. Увидят в этом проявление небес и поедут по домам. — Ага...

— Напиши мне свой адрес.

— Электронный? — засмутилась Славка.

— Какой хочешь, — ответил Сергей. — Я так тебе завидую. Тебе ещё предстоит подняться на Каратюрке. Это самое сильное духовное восхождение, которое ты вообще могла себе представить...

Счастливая Славка вернулась в лагерь. Вся её семья спала. А ей мешало пение соседей и бумажка с адресом Сергея. Она села на бревно у потухшего костра. Казахи тоже не спали, бродили между кедром, разговаривали о сюрпризах природы и о завтрашнем снегопаде.

Казалось, что всё вокруг вымерло.

Каменная пустыня, покрытая снегом.

Шаг. Второй. Третий.

Славка вытерла рукавом пот, стекающий со лба в глаза. Но их тут же забил снег.

Семья уже сделала два привала. Один для того, чтобы сменить сапоги на тяжёлые горные ботинки, второй — для утепления. Славка вытащила куртку, кофту, поверх банданы надела толстую некрасивую шапку. А она ещё не хотела её брать!

«Зачем летом в горах шапка?» — орала она две недели назад дома, выбрасывала её из рюкзака, а мама молча складывала обратно. «Может, всё-таки на озёра скатаемся?» — упрасивала она отца. — Лето в Сибири короткое, хоть неделю погреемся на солнышке». — «Ты что? Хочешь уподобиться этим жареным сарделькам на пляже?» — возмущался отец. — Славке повзрослеть надо! Она в свои четырнадцать мыслит как десятилетний ребёнок! Раньше в четырнадцать лет замуж выдавали! А эта, кроме своих подружек и телека, вообще ничем не интересуется!» Мама пожалала плечами и в очередной раз вернула шапку в Славкин рюкзак.

Славка попыталась рассмотреть вершину Каратюрке и не смогла. Всё вокруг было грязно-серым. Непонятно, где хребет горы, по которой они ползли, а где небо. Ни одного деревца, ни одного кустика, ни одной травинки. Бесконечные камни. Острые, круглые, плоские, и маленькие, и огромные.

Славка думала о том, что ей нужно выбрать, чем заниматься в будущем. Ничего, кроме рисования, у неё толком не получалось. В школе отметки тоже были так себе. Но не связывать же жизнь с рисунком? Куда податься?.. Кому она вообще нужна, такая бесталанная в четырнадцать лет? Лучше бы отец выдал её замуж.

Со всех сторон были видны лишь тучи и снег, и от этого Славке становилось страшно. Тропы не было видно, семья шла по серой, мутной и ледяной каше. Сзади — надвигающаяся серая стена туч, подгоняющая вверх. Каждый шаг отдавался в теле болью и усталостью.

— Мы похожи на четырёх ёжиков в тумане, — пошутил отец.

Никто даже не улыбнулся. Не было сил.

Славка впервые чувствовала кожей тишину. Такая тишина бывает в фильмах про умерших людей. Они стоят в белом небытии, и их окружает абсолютная тишина.

Один раз слева что-то прогремело. Славка вздрогнула, а Катюшка сказала:

— Это горы играют друг с другом в камни.

— Чего?

Славка поняла, что где-то слева падают огромные камни. А она их не видит. Камень просто может отскочить и убить её, вылетев из мрака.

— Они играют, пока никто их в тучах не может разглядеть.

Должно быть, Катюшке тоже страшно, подумала Славка. Ей казалось, что она совсем одна в этом мире. Что ни отец, ни мама, ни сестрёнка не смогут помочь, если вдруг она обессилеет и упадёт.

Ей чудилось, что она совсем заблудилась, заплутала и сама не знает, где идёт. Ни здесь, ни там. Есть две Славки. Одна передвигает ноги. Другая порхает рядом и только слышит тяжёлое дыхание первой.

Славка заметила, что пока идёшь — телу тепло, почти жарко. Но при малейшей остановке, даже для того, чтобы перевести дыхание, холод скручивает кожу, руки. И сразу хочется сесть, лечь. Укутаться в спальник, закрыть глаза и заснуть.

«Нельзя, нельзя, нельзя!» — Славка впервые почувствовала инстинкт самосохранения, гнавший её вперёд.

Нужно добраться до вершины. Славка знала: она достигла какой-то вехи в жизни, и ей необходимо попасть на гору. Если она доберётся до вершины, то докажет себе и другим, что она уже не маленькая глупая девочка, а взрослый человек, которому можно доверять и на которого можно рассчитывать. И настоящий переходный возраст — это переход через перевал Каратюрк.

И если Славка поднимется на гору, там она найдёт силы продолжать свой путь. А за невидимым горизонтом будет иной, чудесный, волшебный мир.

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, — бормотала Славка. — Кто бы вы ни были. Духи ли гор или неведомые мне силы. Пожалуйста, доведите меня до вершины. Доведите всех нас до вершины. Туда, где будет видна тропа вниз. К озеру и к людям.

Текелюшка превратилась в тонкий ручеёк, а затем пропала под камнями, лишь иногда напоминая о себе и о правильном направлении слабым журчанием и бульканьем под ногами.

Снег становился всё глубже.

А вершины по-прежнему не было видно.

Наташка и Славка валялись на крыше бани и лениво щёлкали подсолнух. Сначала наперегонки, а теперь просто так, от нечего делать.

Деревня будто вымерла. Горы за Катунью расплывались, висели в раскалённом воздухе и слегка шевелились, как ленивые рыбы плавниками.

Даже собаки не лаяли, а люди не выходили из прохладных бревенчатых изб.

— Славк, а ты (тьфу) солнечный удар когда-нибудь получала?

— Не-а (тьфу). Чуть не замёрзла один раз — это да (тьфу).

— Сегодня точно (тьфу) получишь. Чё-т надоели семки (тьфу). Может, ранеток сорвём?

— Не-а. Хотя... Сама поднимайся и рви (тьфу).

А мне лень.

— Мне тоже лень (тьфу).

— Тогда давай о чём-нибудь поболтаем (тьфу).

— Всё, не могу больше их есть... Ну давай.

— О чём?

— Ни о чём.

— Здорово.

— Ага.

Молчание.

— Всё, щас испекусь.

Молчание. Наташка прикрыла своё веснушчатое широкое лицо руками.

— О, девки! Привет! Вы чего там валяетесь?

Славка с трудом подняла голову и взглянула вниз. На улице стояла Светка, лучшая подруга Наташки. А значит, теперь и Славкина. Алтайка, смуглая и тоненькая. Она прищурила и без того раскосые глаза, одёрнула белое платье, а на голове у неё лежал мокрый купальник.

— Эт мы разлагаемся. И нагреваем Славку. А то её до сих пор после гор колотит.

— А-а... А на речке здорово. Жаль только, что Узнезюшка пересохла.

— Эт люди её из берегов выперли.

— Катунь даже какая-то тёплая стала.

— Эт у тебя температура. Измерь.

— Вы, кстати, тоже. А то стукнет солнышко по головушке.

— Уже.

Светка растекалась у Славки перед глазами. А семечки просились обратно в подсолнух.

— Рада слышать! Ладно, побежала я к своим.

— Пока! До вечера! Ох, бедная моя спина!

.....
— Бедные мои ноги. Бедные-пребедные! — застонала Славка.

— Да... — сказал папа. — В горах всё кажется близким, а на самом деле в километре — все четыре. А недалёкая вершина горы — часов на восемь ходьбы.

После короткой остановки семья снова пошла вперёд.

Тело горело, во рту пересохло, пот попадал на язык. Славка давно дышала ртом, а не носом, как просил отец.

Текелюшка кончилась. Поэтому ориентирами теперь служили лишь туры, и Славка с Катюшкой выискивали глазами занесённые снегом каменные пирамидки. Отец гнал всех вперёд. Он сказал, что ещё часа два — и даже туров не будет видно. И тогда они заблудятся в снегах.

Славке казалось, что они идут не день, а всю жизнь. И никогда никуда не придут.

.....
— Вы не пойдёте на дискотеку!

— Но вся деревня идёт! Светка с братом, Оля, Владик, Ася, Тюлюш! А мы чё, как левые, должны дома сидеть?

— Побудьте с прабабушкой! Все сегодня поедут на день рожденья Надин. А вы отказались!

— Мы теперь хотим!

— Поздно, в машинах мест нет. Марш в дом.

— Ну ма-а-ам,— захныкала Наташка.

Славка пыталась пустить слезу, но у неё ничего не получилось. Она надулась и села на кровать. Прабабушкина изба была совсем небольшая. Сени, где все оставляли обувь, летняя кухня, комната прабабушки с русской печью и комната для гостей. В этой комнате на четырёх кроватях у стен и на одной раскладушке умудрялись поместиться все родственники, приехавшие к прабабушке этим летом. На одной кровати спали Славка и Катюшка, на второй—Славкины родители, на третьей—тётя Зоя и Наташка, на четвёртой—Мишка с Лёшкой. На раскладушке—их папа, дядь Вася. Наташкин отец работал в Горно-Алтайске и в деревню приезжал только на выходные. Ночевал он на сеновале. Тёть Надя, Мишкина и Лёшкина мама, ночевала в летней кухне, на большом старинном сундуке.

Прабабушка уже спала, когда все уехали на день рожденья к одной из её дочерей. Всего дочерей было восемь. Одна из них приходилась Славке и Катюшке родной бабушкой.

Славка сначала путалась в именах двоюродных бабушек, но быстро запомнила, как и имена своих двоюродных тёть и дядь, троюродных братьев и сестёр. Наташка ей приходилась троюродной тётей и была младше на год. Но чтобы не путать ребят в деревне, они решили назваться двоюродными сёстрами.

Из «гостевой» комнаты Славка и Наташка привычно вылезли через окно во дворик, где одиноко бродил соседский кот, затем выбежали в огород и сели на тёплую траву у грядки.

Где-то вдалеке, за рекой, на берегу светились окна Дома культуры, в котором и проходила дискотека.

Славка посмотрела туда и грустно вздохнула. — Я никогда в жизни на дискотеке не была,— призналась она Нате.

— Да ладно тебе?— Наташка сорвала с грядки спелый помидор.— А в школе?

— Я учусь в гуманитарном классе. У нас с первого класса было всего четыре мальчика на двадцать девочек. Представляешь? Мы однажды решили дискотеку в классе сделать, так у нас девочки перед ними чуть не на коленях стояли, просили с ними потанцевать.

— И чё?— Наташка сорвала второй помидор.

— Так и не потанцевали... А я ж унижаться не буду, сбежала оттуда, пошла по пустым коридорам бродить, там Петьку встретила.

— М-м-м... Горох будешь?

— Так на дискотеку хочешь...

— Да ну их. Зачем тебе вся эта пьянь?

— Ну Лёшка же не пьянь.

— Ну да. Но Лёшка твой родственник.

От реки долетел глуховатый стук музыки.

— Опять эта песня... Ей ведь уже лет двадцать!

У вас что, одно старьё крутят?

— Я её никогда не слышала.

— Какая же глупая песня. Когда мы ночью с гор возвращались, водитель поставил тупую старую кассету, которая не давала нам заснуть. И там была эта глупая песня.

— А-а-а... Будешь огурец?— Наташка только руку протягивала, чтобы срывать с грядки овощи.

— Ничё не «а-а»! Знаешь, как это ужасно— всю ночь трястись на полу в машине, где даже прилечь негде, не то что присесть? Катюшка сказала, что она чувствовала себя жирафом в ящике метр на метр. Откроешь окно—холодно, закроешь—дышать нечем.

— У-у-у...

— А у машины то фары отключаются, то тормоза вдруг отказывают перед Громотухой. Сидишь—ни живая ни мёртвая. И думаешь, что этот момент— последний в твоей жизни. И ты зря с Каратюрка спускалась.

— Слышала я уже про твой Каратюрк.

— А ноги-то после восемнадцатичасового перехода разуты, мозоли вытекают, фу!

— Фу. Ну, хорошо, что доехали. А давай на сеновале заночуем?

.....
— Неужели... Неужели это...

Славка не поверила своим глазам.

— Это что... перевал?— прошептала она сухими губами.

Зачерпнула рукой снег и положила в рот.

— Перевал!— закричала Катюшка и побежала вперёд, но тут же остановилась.

Впереди был обрыв, который уходил куда-то совсем глубоко.

Семья долго шла по гребню перевала, спуская вниз камни. Затем петляла в темноте и в конце концов наткнулась на большую кучу камней, из которой торчали палки с ленточками. Видимо, это и была самая высокая точка Каратюрка.

Среди горы камней была небольшая пещера, в которую следовало положить свой камень.

А за пещерой начиналась бездна. Славка была уверена, что очутилась на краю земли. Там, кроме серой пустоты, ничего не было. Такое же ощущение, наверное, испытал Данте перед восьмым кругом Ада.

Где-то далеко внизу прострекотал вертолёт—современное существо. Там была цивилизация.

Ночевать на перевале было страшно и холодно.

Внутри палатки Славка обняла сестрёнку, и они уткнулись друг другу в руки, согревая дыханием.

Всё мирское, суетное было отсюда невозможно далеко. Здесь же нужно было просто выжить. Не замёрзнуть.

Тучи окутали палатку.

— Мне кажется, что ночью горы зашевелиятся, и палатка улетит вниз... — шептала Катюшка со слезами на глазах.

— Не улетит. Ты крепче за меня держись, — ответила Славка, а сама вздрогнула от мысли, что палатка и правда ночью может не удержаться на камнях.

— Горы кажутся окаменевшими великанами, — Катюшка всхлипнула и пододвинулась ещё ближе к старшей сестре. — Они не только в камушки играют, но и ходят зимой на лыжах, поют песни, ссорятся...

— Тише, тише, — Славка подула на руки сестрёнки. — Спи... Тебе нужно просто заснуть.

Славка полежала около получаса и поняла, что очень хочет в туалет. Они не ели целый день. И утренняя каша теперь вспоминалась с особой тоской и нежностью. Как и отец, который не дал дочке скормить её Сергею. Славка весь день вместо воды ела снег.

Она поворочалась немного, подоткнула под голову сестры свою водолазку, чтобы той было мягче спать. Обулась и высунулась наружу. Вылезать было страшно.

— Ма-а-ам, — тихо позвала Славка.

Но мама слишком устала за день и не проснулась.

Тогда Славка выползла наружу и быстро присела за священную грудку камней.

Когда она подняла голову, ей показалось, что невдалеке среди падающего снега стоит белая лошадь. Славка спряталась за камнями, а когда выглянула, то никакой лошади уже в помине не было.

Может, это алтайцы бродят по ночам по перевалу?

Славка залетела в палатку, закрыла все выходы на молнии и укуталась с головой в спальник.

Упалатки раздался тихий плач. Славка не сразу поняла, женский это плач или детский. Ее затрясло. Плач перерос в глухой вой. И вдруг вокруг палатки кто-то закричал, будто огромные птицы летали мимо, затем засмеялся на несколько голосов. Славка схватила Катюшку, начала её трясти. Она увидела, что на палатку налегло что-то тяжёлое и тёмное, продавив стенку почти до отцовского лица. — Папа-а-а-а-а-а! — заорала Славка.

Глава девятая

И проснулась.

Отец заглянул в палатку.

Славка зажмурилась от непривычного солнца. — Выходи, соня! Тут так красиво!

Славка обернулась к сестрёнке. Катюшка потягивалась рядом и улыбалась.

Вместо бездны и обрыва теперь была видна Аккемская долина. Промозглый ветер, пробирающий до самых костей, постепенно разгонял грозовые тучи.

Отец пояснил:

— Во-о-он там — Аккемское озеро, это — ущелье Ярлу, а внизу — долина реки Аккем.

— А Белуха где? — спросила сонно Катюшка и закуталась в куртку.

— А Белуха показывается не всем, — вздохнул отец и показал пальцем на большую тучу, усевшуюся на горизонте. — Вот эта штука всё загораживает. — Её ещё называют Сердцем Земли, — мама собирала мокрые от снега и ночной влаги спальники. — Гималаи — это голова, реки — жилы Земли. А Белуха — сердце. Многие считают, что именно на ней находится Шамбала.

— Что находится? — Славка оглянулась на открывающиеся со всех сторон горы.

— Шамбала. Вход в параллельный мир. Мир духов.

— А, вот, значит, кто вчера ночью кричал...

— Кто кричал? — удивился папа.

Тучи упорно не хотели расползаться и только приоткрывали иногда то белоснежную вершину Белухи, то Аккемское озеро с серо-голубой водой, то кусочек какой-то изумрудной, похожей на гигантскую лежащую птицу, горы.

— Нет, мы так долго сюда шли. И что, мы не увидим Белухи? — отец уселся на скатанную пенку и стал ждать.

Через несколько минут, когда палатка была собрана мамой и Катюшкой, поджал ноги в позу лотоса и забормотал:

— Чудо-чудо-чудо... Чудо!

И тучи стали подниматься, открывая подножье священной горы.

— Ну что же вы молчите? Помогайте!

— Мы палатку собираем.

— Потом соберёте!

Тучи опять опустились на Сердце Земли.

— Ну вот, это всё из-за вас. Здесь, на горе, материализуются все мысли и желания! А я хочу... чуда! Чудо-чудо-чудо!

Славка засмеялась и стала помогать отцу «открывать» Белуху.

И через несколько минут тучи действительно разошлись в стороны. Катюшка ахнула.

Мама тут же достала фотоаппарат и сфотографировала семью на фоне гор и Аккемской долины. Затем начался утомительный спуск.

Понемногу тепло. Славка сняла куртку. Затем толстовку.

Несколько раз, спускаясь на очередную сотню метров ниже, все говорили: «Ух ты!» — и останавливались, чтобы сфотографировать открывшийся вид.

Славка разглядывала горы вокруг и делала для себя вывод, что горы бывают разных цветов.

Чёрные горы покрывают землю тьмой, на них висят грозовые тучи, и вершины всегда скрыты дождём. Синие находятся на востоке и приносят рассвет, там сияет утреннее солнце. Белые находились на юге. А жёлтые — на западе.

Слева виднелись скалы, толстые каменные глыбы, утёсы с крутыми склонами и острые выступы.

Семья же спускалась по каменистой гряде, которую отец называл непривычным словом «кряж».

Вдруг Славка заметила невдалеке среди камней шевеление. Она крикнула, чтобы её подождали, и поскакала туда.

— Мыши по норам, а козы по долам, — проворчал отец и присел на камень.

Славка не понимала, зачем идёт туда. А если это не очередной мираж, а настоящий человек? Или животное?

На камнях сидело существо, укутанное в мокрый спальник. В одном месте из него торчали светлые кудрявые волосы.

— Здравствуйте! — набравшись смелости, громко произнесла Славка.

Существо вздрогнуло. Голубой спальник сполз, и Славка увидела миловидное женское лицо, опухшее от страха и бессонной ночи. Волосы, выбивавшиеся из-под белого платка, тоже были в инее. — Вам помочь?

— Я... я... я заблудилась! — пробормотала женщина и попыталась подняться. У неё были совершенно холодные, остановившиеся глаза. — Девушка, а вы откуда?

Славку впервые назвали по-взрослому, девушкой.

— Мы с родителями мимо проходили, к озеру. Я вас и заметила. Вам... нужна помощь?

— Да, да, да! — женщина с трудом встала с камня. Лицо у неё казалось ледяным. — Мы шли с группой. Ну, знаешь, я с ними пошла, потому что хотела на Алтае побывать и лишние килограммы скинуть. А группа подобралась спортивная. Они возились со мной, возились, а потом — раз. И вчера ночью я отстала и заблудилась. Тут волки ходили... Я думала, всё...

Славка оглянулась на родителей.

— Меня Марой зовут.

— А меня Ярославой. Возьмите термос, тут немного горячего чая есть.

.....

Славка каждый раз боялась первой заговорить с прабабушкой. Утомлённая и мудрая, она выглядела намного моложе своих восьмидесяти восьми лет.

— Вам помочь? — спросила Славка, проходя мимо.

Прабабушка медленно поднималась с кровати. — Ах ты, дитятко моё, не надо, не надо. Я сама. Сяду. Отдышусь.

Славка неловко потопталась рядом, а потом кивнула на печь:

— А почему на ней никто не спит? Вроде на русских печках все спят?

— Давно уже не спит никто, — кивнула прабабушка. — И я скоро здесь спать не буду.

— Почему? — Славка присела рядом на кровать, пахнущую какими-то цветами, а не старостью, как она ожидала.

В буфете стоял старинный фарфоровый набор. А на стене висела большая выцветшая картина с изображением коня.

— Меня дети хотят в город увезти. Говорят, нашли дом — точь-в-точь как этот. Но ближе к ним. Им тяжело меня здесь на зиму оставлять одну. Ну да как я отсюда поеду?

Славка посмотрела в окошко. Дом стоял на холме, на высоком берегу Катуня. Когда-то здесь прабабушка ждала своего первенца, а её муж был на войне. Здесь она родила Славкину бабушку. Бабушка вышла замуж и целый год жила в этом доме и родила здесь Славкиного папу. Как вообще можно продавать такой дом?

— Дед твой, Митя, горенку здесь новую построил. Давно уже. А держится.

— Я так рада, что мы поехали в горы. И я познакомилась с вами.

— Вот понесло же лешего... И чего в угору потащились? Сопли только морозить.

— Там красиво было! И мы такого странного мужика видели! Он был весь какой-то зелёный!

— У нас на Лешовой горушке такой же жил. Сидел на пне и шалил. Иногда направлял в медвежий слопец.

— Куда? — удивилась Славка и вспомнила медведя на тропе.

— В медвежью ловушку. Ох, устала я что-то... Я и год в том новом доме не проживу. Здесь-то меня стены держат... Принесёшь мне воды? Хотела пойти на огород, да что-то голова кружится.

Славка сбегала за кружкой. Зачерпнула воды из прохладной алюминиевой бочки. И слышала, как прабабушка тихо говорит:

— И горою в лес, и под горою в лес, и лесом в лес.

.....

Мама отдала Маре свою тёплую куртку и напоила чаем с имбирём.

Оказалось, что Мара была из того же города, что и Славка.

— А где вы работаете? — спросила Славка.

Она чувствовала, что может задавать любые вопросы спасённой женщине.

— У меня частная школа.

— Вы... вы же... — Славка только сейчас соотнесла лицо Мары с телевизионными новостями своего города. — Вас же постоянно по телевизору показывают!

— Показывают, — согласилась женщина и поскользнулась на мокрых камнях.

Славка поддержала её и задумалась.

— А ты кем хочешь быть? — спросила Мара.

— Не знаю ещё. Художником.

— У нас в школе есть художественный класс. Мы готовим к поступлению в колледж искусств. Если хочешь, приходи осенью. Посмотрим, на что ты способна.

— А в этом классе мальчики есть? — осторожно спросила Славка.

Мара засмеялась, а Славкины родители обернулись.

— Есть. Приходи. Я тебе визитку дам. Главное, звони сразу, не затягивай.

Появились первые деревья. Половина из них были чёрными. В прошлом году здесь бушевал пожар.

Перепрыгнув речушку, наткнулись на необъятное поле ярко-синих цветочков. Катюшка заглянула внутрь, а Славка на привале успела зарисовать строение одного из них.

Ещё ниже, в кедровом лесу, Славка заметила знакомую палатку.

Робинзон приветливо махал руками, а Антошка с Мишкой радостно прыгали вокруг Славки и Кати. Отец представил Мару. Все начали раскладывать.

Оказывается, Робинзоны под дождём добежали от Текелюшки и стоянки до долины кедров и сразу же пошли на перевал. Туристический путеводитель говорил, что подъём с Кучерлы до Каратюрека займёт максимум два часа. Робинзоны тоже ночевали на перевале, а на следующий день по венцу перевала пришли сюда и остановились без сил дожидаться своих красноярских друзей. — Вы молодцы, медленно ходите. Сначала меня это раздражало, а теперь я понимаю, что вы правильно путешествуете, бережёте силы, — произнёс Робинзон и протянул отцу руку.

Отец гордо и многозначительно посмотрел на дочек.

— Здесь вчера вертолёт пролетел? — спросила у Мишки Славка.

— Да, свалились трое с перевала Буревестник. Один выжил. Помните, на Кучерлинском озере абориген к чехам ходил взятку брать? Ну вот...

Славка толком их уже и не помнила. Катюшка, судя по лицу, тоже. А отец воскликнул:

— А, ну да, точно! Они ещё не поздоровались.

— Серьёзные ребята. Да вот, видимо, не судьба.

Все немного помолчали.

Мара сказала:

— А меня Ярослава сегодня спасла.

— Ой, ну что вы... — засмушалась Славка.

Антошка с уважением взглянул на неё и протянул кусочек шоколадки.

Робинзон посмотрел на часы:

— Кстати! У нас на сегодня баня заказана! На метеостанции! В пять часов — девушки, в шесть — мужчины.

— И как вам это удалось?

— Да вот, специально тащил из дома две бутылки, отдал в залог. Так что — скоро выходим из лагеря, здесь далеко ещё спускаться!

Глава десятая

Перед баней Славка нашла поваленную свежую берёзу, нарвала веток и свила два венка, себе и сестре. И сделала три банных венка.

Попасть в баню оказалось не так-то легко. Прибежала горластая тётка с плетущимися позади немцами и заявила, что она проведёт своих туристов туда первыми. В четыре часа, как и намечалось. Отец молча продемонстрировал часы, стрелки которых показывали пять. Тётка с огромной копной волос непонятного цвета начала кричать, мешая отцу открыть дверь бани.

— Извините, — прервал её крики Робинзон. — А вы сколько бутылок давали в залог?

— Чего-о-о? — заорала тётка, а немцы начали перешёптываться.

Славка уже жалела, что спустилась с гор к людям.

— Так сколько?

— Одну!

— А мы две!

Тётка набрала полные лёгкие воздуха для следующих воплей, но тут двери бани распахнулись, и на пороге появились полуголые и красные мужики. Один из них, икая, ткнул в сторону Славки:

— Они — первые. У вас час.

И, опираясь на своих друзей, поплёлся в гору к домикам. Деревянных домиков было всего пять. Баня, гидрометеостанция, столовая, магазин и домик для жилья.

В бане было душно и мокро. Славка в большом зеркале увидела, как загорели её руки и лицо.

Она наконец-то помылась. В тёплой воде, с мылом. Вода Аккемского озера была мягкой, как и в Кучерлинском, с небольшой примесью известняка. Поэтому волосы после мытья стали же мягкими, как и после ополаскивателя.

Когда все вернулись в лагерь, уже темнело. Славка отошла за кедром по склону горы и уселась на пенёк среди чёрных листьев бадана. Отсюда была видна вся удивительная изумрудная гора. Славка достала из кармана блокнот.

Помимо причудливого цвета, гора имела ещё и необычную форму. Антошка назвал её «убитым солдатом». А Славке в её форме мерещилась упавшая от сильного удара на спину женщина. Славка даже зарисовала её «профиль»: чёткое и правильное, запрокинутое наверх лицо. Напряжённое, как от боли, тело. И рука, безжизненно спускавшаяся вниз, к Аккему. Вдоль неё текла неизвестная пока Славке река.

На плече у женщины зияло красное пятно со стекающей кровью.

— Вот ты где. А я-то думаю: куда пропала? — сказала мама, появившаяся из-за деревьев. — Покажешь рисунок?

— Это женщина.

— А по-моему, это не женщина, а птица. Там, где у тебя клюв, — это кулак, шея — рука. Ну и так далее.

Славка присмотрелась к горе. На закате гора начала переливаться и блестеть, будто сигналы посылают в космос.

— Всё равно что-то трагическое здесь есть, — упрямо сказала Славка.

— Конечно, есть, — улыбнулась мама и присела рядом на тёплый камень. — В любом случае Ярлу прекрасна.

— Ярлу?

— Долина Ярлу. Мы вряд ли туда пойдём в этот раз.

— А что там?

— Долина эдельвейсов. А ещё люди считают, что именно там находится космодром нЛО.

— нЛО?! — Славка залилась смехом.

Мама обняла дочку и закрыла глаза. Красные лучи последнего на сегодня солнца гладили её по лицу, успокаивая и забирая дневную усталость.

После того как мама ушла, Славка вместо возвращения в лагерь решила спуститься чуть ниже и заплутала. Она выскочила на каменный обрыв, чтобы подойти к ручью и попить воды, но поняла, что в сумерках вышла на сыпучу. Ступив на первый, с виду устойчивый камень, Славка с грохотом, балансируя, покатила вниз. Пить сразу же расхотелось. Наверху позвала на ужин мама. Славка не ответила. Она не хотела, чтобы этот умиротворённый вечер был испорчен и чтобы ей очередной раз сказали, что она приносит одни неприятности и вечно лезет куда ни попадя.

Славка попыталась с разбегу атаковать камни и залезть наверх, но лишь разбила коленки. Под тяжестью тела камни задвигались сильнее. Медленно тоже подняться не получалось. Ноги засасывало камнями и утаскивало на дно ущелья, где бежал ручей.

Славка уселась на камни, так как ноги уже были в них по колено, и швырнула носом. И осторожно начала вытаскивать ноги, чтобы двигаться вдоль по склону.

Сверху уже кричал папа. Он же обещал её выдрать. Славка, чувствуя, что по щекам бегут слёзы, сконцентрировалась и, цепляясь за редкие, заваленные камнями кусты и большие камни, поползла наверх.

Через полчаса, уставшая и мокрая, Славка, прячась за кустами, подошла к лагерю и села в сторонке.

Отец молча дал ей тарелку с гороховым супом и потрепал по волосам.

Отсюда была видна Белуха. Оба её крыла — Западное и Восточное. Левое упиралось в небо

острой вершиной, а правое было будто срезано. Метрж ними, под «седлом», висела готовая обрушиться лавиной шапка снега. А ещё ниже и немного левее чернел «всадник» с растрёпанными волосами и распахнутой курткой. Он пытался вылететь из горы, но Белуха его не отпускала. И он бился о невидимую стену. Вечером от ледника шёл пар, и Славке казалось, что всадник ожил, он двигается! И скачет, скачет вперёд!

Славка не заметила, как доела свой суп, и подошла к маме за добавкой.

На удивлённый взгляд мамы она сказала:

— У меня растущий организм.

В горах с нагрузкой съедалось больше, чем обычно.

— Что готовим на утро? — спросил папа.

— Гречку! — закричала со своего места Славка.

Каждый вечер семья наперебой предлагала свои блюда, в зависимости от того, кто и какие продукты нёс.

Славка очень не любила гречку и геркулес. Все-знающая мама запихнула ей в рюкзак все пакеты с этими кашами, а также с пшёнкой. Поэтому обычно Славка, скрепя сердце, весело рекламировала гречку и геркулес, от которых всех уже тошнило. Но пакетиков до сих пор было очень много, а Славке не хотелось тащить их назад. Поэтому каждое утро и вечер она напоминала своей любимой семье, сколько в гречке полезных веществ!

Луна освещала Белуху, и та сияла на фоне ночного неба. В ветвях одиноко пела птица. Славка, Катюшка, мама, папа, Робинзон с женой, Антошка с Мишкой и даже Мара сидели вокруг костра и разговаривали.

Славка подседа к Робинзону:

— А вы знаете какие-нибудь истории?

— Какие истории? — удивился Робинзон, а все замолчали.

— Ну... — смутилась Славка. — Про Белуху, например. Почему здесь так много туристов?

— Я знаю только то, что, по алтайской легенде, когда-то здесь... ушёл под землю целый народ.

— В смысле — ушёл? — Славка обняла сестру и оглянулась, будто из темноты елей на неё могли смотреть глаза ушедших под землю людей.

— Да я толком не знаю. Они вроде не хотели покориться Белому Царю.

— Какому царю? — не поняла Славка.

— Неправда, — вклинилась в разговор Мара. — Изначально здесь жили скифы, они были высокими и белыми. Прекрасными воинами два метра ростом.

— Я понимаю, но при чём здесь Белый Царь?

— Есть пророчество о великом будущем и приходе Белого Бурхана.

— Ничего подобного я не слышал. Я знаю только, что когда Белуха изменит свои очертания, настанет время новой религии.

— Конец эпохи, что ли?

— Энергетической эпохи.

— Или человеческой?

— Да просто будет землетрясение, и всё изменится!— вдруг сказала Катюшка. И все посмотрели на неё.— Разве это непонятно? Тогда и мир изменится. И религия ваша. И Белуха станет другой.

Все помолчали.

— Настоящее имя Белухи— Уч-Сюмер,— сказал отец, обращаясь к дочкам,— что значит по-алтайски— «три вершины». Мой отец, когда работал здесь неподалёку в деревне, годах в пятидесятых, говорил, что это гора, «на которую нельзя ступать ногами».

— А почему здесь все Беловодье ищут?— поинтересовался Антошка.

— Беловодье... Это мечта просто. Говорят, с одной стороны— горы, с другой— болото. Туман всё покрывает, только петухи или голоса слышны. Туда только чистых душой пускают.— Мара укуталась в Славкину толстовку.

— А вход в Шамбалу всё-таки в самой Белухе или где-нибудь рядом? Какие есть версии?— спросила Галина.

— Ну, кто-то говорит, что вход сам в горе Яру. Но сама Шамбала находится внутри Белухи. Но в другом пространственном измерении. И увидеть её просто так, в нашем состоянии, не дано.

— А вообще, ребята, вам здорово повезло,— Робинзон подкинул в костёр дров.— И с родителями. И со временем. Вы вряд ли сейчас понимаете, как здорово тут сидеть, смотреть на огонь. И чтобы сзади вас была Белуха.

— Точно!— отец поёжился от ветра.— Сижу вот и думаю, что жаль... ужасно жаль, что мы с моими родителями никогда вот так время не проводили. Всё работа, работа. Стройка гаражей, дач. Снова работа. А теперь вот... даже вспомнить нечего!

Робинзон кивал головой, Мара смотрела куда-то вдаль.

Катюшка посапывала у Славки на плече. Потрескивал огонь. И время остановилось.

Глава одиннадцатая

На следующий день, первого августа, пришлось попрощаться с Марой. Она узнала у людей, стоящих у озера, где на реке стоит её лагерь, и поспешила к нему, на прощание подмигнув Славке.

А отец пошёл ещё дальше, в долину Белухи, за морену. Сначала прошли по берегу озера к спасателям. Мальчишки опирались на лёгкие деревянные посохи, которые им сделал Робинзон, нарубив веток с обгоревших кедров. Спросил, на что они похожи, и затем вырезал физиономии на палках.

Славкиной семье достался самый большой и угрюмый посох с головой настоящего домовёнка. У него были кривые, глядящие в разные стороны глазки. Но чтобы не тащиться с такой тяжестью

к Белухе, отец запрятал его в траве и кустах подалее от стоянок.

Семья Робинзона остановилась у домиков спасателей. Отпуск заканчивался, и им нужно было возвращаться домой.

Дорогу перегородил бурный ледяной поток— река Аккем, вытекающая из ледника в озеро. Через много километров вниз по течению Аккем впадал в Катунь.

— Я слышала, что нужно переходить вброд,— грустно сказала Славка, глядя на стремнину,— но не такой же длинный и глубокий.

Над рекой шириной метров в двадцать пять висел ненадёжный старый трос, закреплённый с обеих берегов за валуны. Славка наклонилась, окунув руку в воду. Руку сносило.

Мама запретила дочкам залезать в ледяную воду. Тогда отец на плечах перенёс по очереди все рюкзаки, затем Катюшку. Когда Славка залезла отцу на плечи, то вцепилась одной рукой за канат и другой зачем-то в папины волосы. Отец зарычал и вошёл в воду. Их вдвоём сносило сильным потоком горной реки, ледяная вода вспенивалась и временами доставала отцу до подбородка.

Славка видела, что отец очень устал после этого перехода и был на что-то сердит.

Когда все поднялись на морену, с неё вдруг открылась долина Белухи. Небольшое мутное озерцо, наполнявшееся время от времени водой. Говорили, что в некоторые годы оно разливалось, а в другие просто уходило под землю. По его краям возвышались горы, с которых то и дело срывались камнепады. Лёд под жарким солнцем таял на глазах.

Озеро пересекали песчаные косы и отмели. Стоянок поблизости видно не было. Да и до озера пришлось бы идти несколько часов.

Мама с папой опять отошли в сторону и стали препираться.

— И где же мы здесь встанем?

— На снегу!

— Ещё чего не хватало. Надо около деревьев.

— Где ты здесь видишь деревья? Одни кусты!

— Тогда на камнях.

— Ну уж нет.

— Здесь нет деревьев! Можем, конечно, вернуться к спасателям, но тогда нам придётся топтать добрых пятнадцать километров до Белухи, а потом столько же обратно. А мы хотели сходить на озеро Горных Духов.

— Это ты хотел сходить на озеро Горных Духов, а не мы с девочками!

— А что за озеро Горных Духов?— вмешалась Славка.

Когда ругались родители, ей хотелось уйти подалее от них и никого не видеть.

— Карачик,— сердито ответил отец и снова обернулся к маме.

— Карачик. Понятно,— Славка расстроилась.

Спор так ничем и не закончился. Семья молча двинулась дальше.

Тропы виляли, переплетались. Одни уходили наверх, другие—вниз к реке. Семья перепрыгивала по камням ручьи, переходила по отмелям реки. Мама с папой не разговаривали, и Славке казалось, что они шли наугад. На одном из привалов Катюшка заскочила на пригорок и увидела оазис с деревьями, незаметный с тропы. Славке показалось, что они нашли райский уголок, хотя до начала ледника оставалось ещё ой как много километров.

Поставили палатку. Славка развлекалась тем, что заходила босиком в ручей, а выходила из него чужими непослушными ногами. У палатки был оборудовано место для костра. Здесь были камни для сидения, журчащая, а не грохочущая вода, высокие и густые кусты. А за спиной—крутая, покрытая мелкой редкой травой гора.

Мама с папой по-прежнему не разговаривали и просто делали привычные в походе вещи. Катюшка бегала по камням и пыталась приручить маленьких прелестных существ, похожих одновременно и на сусликов, и на мышат. Они назывались сеноставками.

Потом Славка и Катя начали обносить стоянку стеной из камней. За несколько часов построили целый замок с воротами.

Когда мимо прошли туристы из Твери и попросились попить чаю, то один из них решил, что эти постройки древние.

— Алтайские или скифские?—спросил он Катюшку.

— Скифские,—ответила она и рассмеялась.

— А кто такие скифы?—спросила чуть позже Славка у отца, чтобы хоть немного растормозить его. — Народ.

Отец хмуро сушил ботинки. Помолчал, глядя на Белуху, и покрутил пальцами длинные брови. — Они жили почти на всей территории Сибири. Но это не те скифы, которые были в Европе. Они были воинами. Богатых скифов хоронили в огромных курганах вместе с жёнами, лошадьми и воинами с оружием.

Отец откинулся назад и хмыкнул.

— Они были очень высокими. И светловолосыми. — А куда они делись?

— В третьем примерно веке растворились в других племенах.

Мама развешивала мокрые после перехода через реку вещи по кустам. Катюшка, сидя на валуне, хлюпала босыми ногами по воде.

Тенью на холме прошёл человек.

Увидев огонь, он остановился и спустился в оазис.

— Здравствуйте,— произнёс он, и Славка увидела молодого высокого парня с кудрявой шевелюрой золотых волос.

Когда он по приглашению отца присел рядом со Славкой на бревно, то она заметила, что еле достаёт ему до плеча.

Ещё она заметила аккуратно поставленный рюкзак. Тяжёлый, огромный рюкзак, почти с неё ростом. Такой человек точно должен был поприветиться папе.

Он был худощавым, в тяжёлых горных ботинках. Он широко, почти до самых ушей, искренне улыбался. Ещё он был похож на норвежца. На настоящего викинга. Только без лодки. Или на скифа. Наверное, последние скифы ушли с Алтая на плоскогорье.

— Саша,—представился парень.

— Ярослава,—засмущалась Славка.—А ты что здесь делаешь?

— Мы с кружком зоологическим сюда приехали. Те, кто выиграл биологическую олимпиаду, собрались и решили отправиться на Алтай, чтобы животных считать.

— Зачем их считать?—усмехнулась Славка.

— Чтобы знать, сколько их осталось. Их браконьеры постоянно убивают. И мы ищем их следы. Как... экскременты изучаем, поведение, количество.

«Какой умный!»—удивилась Славка и подвинулась к нему поближе.

Отец гордо стал рассказывать о молодости и о путешествиях в горы. Нашёл благодарного слушателя. — А я в прошлом году был на Кавказе,—так же гордо произнёс Саша.

Через час они с отцом сошлись, что неплохо было бы съездить в Саяны, они хоть и не такие высокие как Горный Алтай, но тоже интересные.

— Ты анекдоты альпинистские знаешь?—спросил папа гостя.

— Да, немного успел услышать за поход. Ну... например, сидит ворона на дереве в снаряге, мимо лиса пробегает и говорит: «Ой, ворона, какая у тебя система классная! А какие карабины блестящие и золотые! А какой жумар! Даже бриллиантами инкрустированный! А какая восьмёрка интересная...» Ворона каркнула, сыр выпал... и завис на страховке! — Отличный анекдот! Повеселил... Спасибо!

Парень попил чая, достал печенье и сгущёнку. Умудрился съесть почти всю банку за один прищест. Затем выпил целый котелок чая с сахаром.

Рассказал, что ночевать будет со своей группой неподалёку отсюда. И он должен встретиться с друзьями, которые изучают здесь вопросы «стадиальности в развитии древнего оледенения», «морфологию озёрных котловин» и «аккумулятивные ледниковые формы рельефа».

На прощание он написал Славке свои координаты и смущённо улыбнулся. Славка посмотрела на бумажку и не поверила своим глазам. Там был

уже знакомый адрес, найденный ею на кедре. Город Томск, индекс и абонентский ящик.

Она медленно подняла на Сашу глаза и широко улыбнулась. Саша ничего не понял, но тоже улыбнулся.

Славка подумала, что это, наверное, первый за весь поход человек, с которым её отпустил бы отец. Хоть в Саяны. Хоть на Кавказ.

Ночью было очень душно. Сонно пролетел над ухом комар. И укусил кого-то другого. Храпели отец и Лёшка. Славка очередной раз повернулась в кровати и слезла с неё. Катюшка тут же раскинулась на кровати и сбросила с себя простынку. Славка придавила на её руке комара и выползла во двор через окно. Обошла дом стороной и села на крыльце.

Дверь сзади открылась, и рядом встала прабабушка. В одной длинной белой ночнушке.

— Не замёрзнешь?

— Да ну что вы! Жара такая. Невыносимая.

— А мне холодно. И под одеялом. И без одеяла. И спать не могу. Ничего не могу.

Славка смотрела на чёрные горы. Слушала треск кузнечиков. По небу летали звёзды. Яркий спутник, мигая, медленно полз по небосклону.

— Я всегда-всегда это помню буду,— сказала Славка, голос её сорвался.

— Это правильно,— прабабушка накинула на плечи большой шерстяной платок, связанный её старшей дочерью.— В конце концов, у нас ничегошеньки не остаётся, кроме памяти. И кроме памяти наших детей.

Славка снова посмотрела на звёзды.

Хотелось, чтобы, когда она станет старушкой, звёзды были на тех же местах. И у Белухи не отвалилась бы ещё одна вершина.

— Я всё смотрю на тебя... и не понимаю, на кого ж ты похожа с нашей родовой.

— Не знаю.

Славка подумала, что больше всего она похожа на свою маму. А в папу у неё только веснушки и белая кожа.

— Когда у тебя будет свой дом... хотя вы сейчас не любите жить в деревне... посади во дворе рябину. Она тебя от порчи и от сглаза спасёт. А ещё кушай её чаще—она даёт дар предвидения.

— Ага,— глупо ответила Славка.

Кузнечики застрекотали ещё громче.

— У меня было больше детей... Два при родах умерли. А ещё один— в тридцать лет. Ты его даже не знала.

Прабабушка глубоко вздохнула и босиком пошла по огороду. Поманила Славку за собой. Славка оглянулась вокруг. Деревня молчала. От дома шло сонное сопение, будто спал сам старый дом, построенный её прапрадедушкой и переживший не одно поколение их семьи.

Прабабушка легко шла по тёплой земле. Открыла незаметную и до сих пор неизвестную Славке калитку в углу огорода. Отсюда уходила по высокой траве невидимая тропинка к холму над Катунью. Где-то вдалеке виднелось деревенское кладбище. Под луной трава казалась синей. Синий склон спускался до бурлящей Катунь, сиявшей под чистым горным небом. На горизонте едва различались громадные утёсы и скалы. Амфитеатр величественных пиков тянулся от кладбища вдоль реки. Луна освещала скалы, те отсвечивали и были похожи на молочно-голубые снежные вершины.— Смотри...— прабабушка наклонилась над травой и провела рукой по закрывшимся бутонам цветов.— Лучше всего здесь бывать при полной луне. Запоминай: это камнеломка, она поможет от болей в сердце. И остановит кровь. Я ею опухоль вылечила. У одиноких цветочков—длинные жёлтые бутоны.

Из-под прабабушкиной ноги вылетела птица и, сонно пискнув, рухнула в соседний куст.

— Пользуй корень. А это кровохлёбка. Её как раз в августе надо собирать. Лопатой выкопай корень. Отряхни землю. Отрежь лишние, гнилые части. Оставь корень. Помой в холодной воде. Разрежь корни напополам и высуши. Наложь на рану. И на следующий день её уже не будет. Уяснила?

Славка кивнула.

— Видишь кусты? Там есть маральник и жимолость.

Бабушка бесшумно двигалась среди трав. В накинута платке, в белой, светящейся в темноте ночной рубашке, она была похожа на царицу, укутанную в сибирские шубы, небрежно брошенные на плечи. Она плыла по земле так же легко, как облака по небу.

Славка чувствовала, как от тела прабабушки идёт тепло. Это тепло было иным, не похожим на солнечное тепло. Оно будто бы окутывало Славку с ног до головы. И Славка поняла, что у неё всё будет хорошо. Что всегда, даже в самые сложные периоды жизни, она будет чувствовать кожей это тепло. А ещё—тепло мамы. И бабушки. И, наверное, даже Катюшкино тепло.

Звёзды начали падать всё чаще и чаще. Исчезать в траве и в Катунь. Как алмазный дождь. А Славка впервые в жизни не загадывала никаких желаний. Потому что у неё уже всё было.

Глава двенадцатая

На следующий день Славка вылезла из палатки.— Вот холодно, блин...— проворчала она и заметила Катюшку, сидящую у костра и напевающую песенку.— Кать! Вот зачем нужно было так рано вставать и меня будить?

— Я тебя не будила. Ты спала как убитая.

— Ты по мне топталась!

— Не топталась, — тихо ответила Катя и подкинула ветки в костёр.

Над огнём уже закипал бульон.

Из палатки раздался мамин голос:

— Вот почему всегда так? Катюшка просыпается — и её никто не слышит, не видит. Зато как Ярослава соизволит пробудиться — так всё, вся семья на ушах.

Через полчаса, прихватив с собой только немного еды и толстовки, все налегке вышли к подножию Белухи. Не взяли воды. Река-то, пусть и мутная, рядом.

Но вместо того, чтобы спуститься к основной тропе, отец снова повёл всех поверху. После часа скачков по камням на склоне горы внизу показался небольшой лагерь. Это оказался лагерь настоящих альпинистов. Они очень удивились, когда увидели семью с одними толстовками, и решили, что она спустилась с одного сложного перевала за, уходящего к самому плато Белухи.

Славка перескакивала с камня на камень, с трудом удерживая равновесие. Она думала только о том, что больше никогда в жизни не захочет прыгать и ходить по камням. Лучше уж увязнуть в песке. Мало того, что Славка шла по крутому склону, где приходилось постоянно держаться за склон, а правой ногой балансировать над пропастью, так ещё из-под ног каждые десять минут срывались камни и улетали куда-то вниз, увлекая за собой целую кучу себе подобных булыжников.

Теплело, и камнепадов в долине было не счесть. То там, то здесь грохотали обвалы. Славке они издали казались маленькими падающими камушками. Но теперь-то она знала, как это страшно. Стукнет такой камушек по головке — и мокрого места не останется. Поставят крестик, а на следующий год те камни и крест завалят. Поэтому больше всего Славку заботило то, что происходило непосредственно выше её и семьи. Она постоянно прислушивалась: не идут ли туристы на плато Белухи? Не поднимаются ли к Карачику?

Она с ужасом смотрела на распростёртую перед нею долину. Где-то правее был подъём на Семиозерье.

Прямо перед Славкой возвышалась сама Белуха. Аккемская стена — двухкилометровая отвесная глыба льда — теперь была совсем рядом. Славка понимала, что до неё ещё много километров, но казалось: протяни руку — и потрогаешь холодную поверхность. Славка никогда ещё не чувствовала ничего подобного.

Почти на всю высоту Аккемской стены кем-то было нарисовано изображение женщины, стоящей во весь рост. Женщина шла, и у неё развевались платье и волосы.

«Не зря Белуху считают женской горой», — подумала Славка и пригляделась к женщине. Она уже

видела её издали, с Каратюрка. Но теперь она была совсем рядом и от движения камнепадов, от налетающих теней облаков двигалась вперёд всё быстрее и быстрее. На руках у неё был ребёнок.

«Настоящий дух горы», — Славка вздохнула и посмотрела на реку.

Вот оно, начало Катюни. Аккем. Ак-кем. Мек-ка.

Только сейчас до Славки дошло, почему реку многие называли Меккой.

А мама с папой опять спорили. Папа требовал, чтобы они продолжали идти по отвесному льду, ступая на мелкие неустойчивые камни. Ему, имеющему не последний разряд по альпинизму, это казалось привычным делом. Мама же убеждала его спуститься вниз на тропу, чтобы обойти опасные места. Славка полностью разделяла мамин тревоги, но отцу перечить боялась, поэтому продолжала идти за ним.

— Быстро камни летят, я быстрее бегу. Не догонят, — шептала про себя любимые папины стихи Славка.

И вдруг её нога скользнула по льду, Славка еле удержала равновесие, ухватившись за какой-то камень, но та неудобно вывернулась. Славка чуть не взвыла от боли. Взглянув на раздражённого спором отца, промолчала. И дальше шла хромая.

Почти тут же с Белухи сошла лавина. Это была маленькая лавина — над Женщиной, как гигантская пуховая шапка, висела огромная куча снега и льда, и Славка с опаской поглядывала на неё. Но и сейчас горы задрожали, а у подножья Белухи поднялся клуб ледяного «дыма».

Десять километров до подножия показались Славке бесконечными. Крошечные камушки, валяющиеся невдалеке, при приближении оказывались пятиметровыми булыжниками. Воды не было. Река осталась далеко внизу. Голова кружилась. Руки лихорадочно хватались за камни — от палок здесь совсем не было толку.

Славка взглянула на реку Сему, протекающую мимо Черги — села, где жили ещё одни папины родственники. По дедовой стороне. Затем посмотрела на узкий заливчик, где семья должна была купаться, спасаясь от жары, и невольно представила себе презрительную усмешку Петьки, который бы и не полез в такую «лужу». Он привык отдыхать на своём «дальневосточном» море.

А Славка полезла, придерживая на плаву Катюшку, которая недавно нарвала розовых цветочков и сделала Славке серёжки из лепестков, а в волосы вплела венки.

Вода была тёплая — видно, прогрелась за день. Славка несколько раз перевернулась, проплыла от мелкой воды до скалы, сделав руками взмаха три, и наконец решилась выйти из-за камней

в заливчике—в этом месте Сема разливалась. Подпрыгивая, Славка помахала родителям на берегу и только в этот момент поняла, что река сужается, а Славку заносит на самую середину речки. Скорость увеличивалась, Славка нервно пыталась выплыть, но максимум, что она смогла сделать,—это удержать себя на поверхности воды. Впереди в Сему вливалась ещё одна река, уже не такая маленькая и узкая, и дальше начинались пороги и, как конец, водопад на краю деревни.

И тут Славка по-настоящему испугалась. Подбросила тело над водой, уцепилась за камень, с удивительной для себя силой подтянулась, «впечатавшись» в него всем телом. Попыталась успокоиться. Её трясло. От нервов, от приближающихся камней, о которые её бы разбило, и от ледяной воды.

«Вот так и гибнут люди!»—как-то чересчур спокойно подумала Славка и попробовала подвинуться в сторону от спасительного куска скалы к берегу. Но вода вновь сбила её с ног.

И тогда Славка, плюнув на гордость, крикнула. Никто её не услышал. Даже головы не подняли—привыкли, наверное, что её вечно где-то носит.

Она попыталась ещё раз сделать рывок к берегу. Бесполезно.

Только жующая траву корова взглянула на Славку и без интереса продолжила своё занятие.

Сошла вторая лавина, и Славка наотрез отказалась подниматься дальше к Аккемской стене. Мама с Катюшкой тоже. И вдруг отец, разозлившись, кинул им свой рюкзак с едой и ушёл один.

Мама с дочками молча сели на торосы и достали последнее печенье. Славка жевала и рассматривала окрестности в поисках воды. Нашла крошечный ручёёк, вытекавший из-под льда. Попила воды.— Он же всю молодость в горы ходил,— пыталась оправдать отца мама.— А затем вы родились, и пришлось много работать. Он работал, работал,— мама судорожно вздохнула и дрожащей рукой поправила на голове платок.— И вот, впервые за четырнадцать лет, он вырвался в горы...

Славка всё понимала и не понимала одновременно. Горы, а всё не так, как представлялось папе в городе все эти годы.

Катюшка подошла к глубокой трещине— всё плато было словно изрыто. Ледяные торосы—нагромождения обломков льда—вздymались к небу, а рядом к самому центру земли уходили щели. Большие и маленькие. Они были повсюду.— Осторожно,— тихо произнесла мама.

Катюшка кивнула и кинула в трещину камень. Он бесконечно долго летел в глубину, затем где-то стукнулся об лёд и почти бесшумно упал в воду. Катя вздрогнула и бросила изо всех сил другой камень в другую трещину.

Вокруг было очень тихо.

Затем опять сошла лавина. Катюшка вцепилась в лёд. А мама закрыла глаза.

Камни подпрыгивали, взбивая снежный покров Белухи.

И вдруг на Славкины крики обернулся отец. Он подскочил к берегу и, медленно-медленно пробираясь сквозь воду, начал двигаться в Славкину сторону. Славка уже не чувствовала ног. Да и вся нижняя часть тела уже онемела и не могла пошевелиться. Ещё несколько минут—и руки не смогут цепляться за камень.

Ей казалось, что папа очень долго идёт к ней. Она видела, как вода бьётся о его ноги. С каким трудом он удерживает равновесие, как босыми ступнями ищет твёрдое дно. Как морщится от боли, когда наступает на острые камни.

Славка протянула ему руку. Но между ними находился мощный водоворот. Отец тоже стоял за камнем, держась за него одной рукой. У него был очень сердитый вид. А когда отец сердился—значит, он не сердился вовсе, а очень сильно волновался.— Давай сюда!—крикнул он и протянул свою руку.

Славка посмотрела на течение между ними, на расстояние до отца. Передвинула рукой левую ногу, затем, напрягшись всем телом, собрав последние силы, крикнула и прыгнула вперёд.

Отец на лету схватил её руку, подтянул к себе, хотя Славку сносило в сторону, и, зарывчав, схватил второй рукой дочку за плечи.

— Папа, папа!— всхлипывала Славка и не могла больше ничего произнести.

Она уткнулась ему в шею. А отец, крепко прижав её к себе, начал так же медленно продвигаться обратно к берегу.

Кричать и звать отца они боялись, чтобы не спустить ещё какую-нибудь лавину, и только крутили головами в разные стороны.

Прошло около двух часов. Катюшка замёрзла. И мама решила возвращаться обратно.

Она вдруг совсем перестала походить на маму, которая всегда соглашалась с отцом и молча варила еду. Она распрямила плечи, взглянула на обеих дочерей, затем на дорогу к лагерю. Казалось, что она на глазах молодеет и превращается в ту девушку, бесстрашно покоряющую вершины, идущую первой в альпинистской связке. Такой Славка её не знала.

И сейчас мама должна была в сохранности добраться с детьми домой.

Долины с оазисом и палаткой не было видно. Папы и тропы тоже. Тогда мама, как зоркий орёл, разглядела вдалеке странные туры. И решила пойти по ним. Часа через три прыжков по каменным глыбам все поняли, что туры вели не к Аккемскому озеру, а на очередной перевал.

Славка стояла на вершине одного из самых высоких каменных завалов-«хребтов», а под нею лежала вся долина Белухи. Она видела крошечный лагерь альпинистов, морену и базу спасателей. Тонкий изумрудный Аккем вился среди гор и прятался в тайге. А за тайгой—бесконечные туманные горы. Лазурные, бирюзовые, лиловые, лавандовые, голубые, сине-зелёные.

Славка видела каскад озёр на противоположной стороне долины, падающие с гор реки. Как в замедленной съёмке облака летели по небу и по земле. Столько цветов зелёного Славка не могла припомнить ни в одной палитре. Горы отсюда казались мягкими, даже пушистыми. Камни превратились в бархат.

Катюшка напевала красивую незнакомую мелодию. И мама, не разжимая губ, тоже подпела ей.

Славка вздохнула всей грудью. Стащила с длинных волос резинку и помотала головой. Длинные волосы развеялись по ветру. Славка расправила руки в стороны, подставила лицо ветру и закрыла глаза.

Рядом встали мама и сестрёнка. И тоже раскинули руки.

— А-а-а-а-а!—закричала вдруг Славка и удивилась силе собственного эха.

— А-а-а-а-а!—закричали мама и Катюшка.

И когда Славка открыла глаза, она увидела их оазис и почти незаметную отсюда палатку.

Когда они спустились к себе, папа был уже там. Он сидел у костра и разговаривал с незнакомцем.

Мама молча положила у палатки папин рюкзак и пошла к речке. Славка села на любимый камень в «джунглях»—неизвестных ей деревьях у реки.

Незнакомец оказался проводником двух девушек-художниц на Карачик. Но внезапно они решили пойти в другую сторону—к Семиозерью. Девушки вышли откуда-то сверху, попили чая и попрощались.

А семья сидела у костра. Славка смотрела на закат. Пели птицы, журчала речка. Они с Катюшкой лениво перебрасывались парой слов и снова замолкали.

Легли спать очень рано—сильно похолодало. А Славка пододвинулась к костру и стала писать дневник. Она писала очень долго, набрасывая разговоры и встречи с людьми. И только когда совсем стемнело, пальцы замёрзли, а костёр потух, она, дрожа от холода, залезла в палатку, укуталась в спальник и облегчённо уснула.

.....
— Катунь опять поменяла цвет. Теперь она совсем белая!—жаловалась одна из бабушек, доедая помидор.

Это удивительное свойство—пить чай с овощами—Славке никак не удавалось понять.

— Ничего, осенью снова синей станет,—сказала бабушка и взяла пряник.

В прабабушкиной комнате сидели только женщины. Мужчины ушли на улицу дышать свежим воздухом. Многочисленное женское семейство собралось за одним длинным столом.

Славка сидела между мамой и бабушкой, которые никогда особо не были близки. Но сегодня бабушка маме ничего обидного не говорила. Наоборот, постоянно обнимала Славку и повторяла: «Какая она у нас красивая!» И шептала Славке на ухо: — Запомни, девочка моя. От стада не отставай—станешь добычей вора. Вперёд не забегай—станешь добычей волка. Будь вожаком!

— А меня тут муж на рыбалку вытащил. Сроду не ходила—а тут пошла,—начала вдруг тётя Зоя.— Ну, ночевали под ёлкой. Ну, сплю, и вдруг мне кажется, просто сама не понимаю, во сне или как: идёт человек с двумя собаками. Ну, я проснулась, смотрю—муж храпит, а вокруг никого нет. Опять ложусь спать—опять кажется так же. Просыпаюсь—опять никого.

— И кто это был?

— Да не знаю я...

— Мужика другого захотела! Ха-ха-ха!—засмеялась бабушка.

— Да ну тебя.

— Леший, скажи, был. Это он с двумя псами всегда появляется.

— Скажешь тоже...

— А я в молодости... Тош, ну ты помнишь, как мы в лес в пятидесятом ходили? После работы твоей? За ягодами-то? С бабушкой?

— Ох, да, страху-то...—Ксюшенька покачала головой.

— Помнишь, кличем бабушку, а она не отвечает. Идёт, вся белая, аж помертвела вся. Ох, говорит, милыя, чего видала. Едет, говорит, верховой на белом коне, и сам весь белый. Прехал мимо—ничего не сказал.

— Это оттого, что лесовики-то не разговаривают с людьми,—опять сказала бабушка и снова засмеялась.

— Это тогда не лесовик был, а Белый Всадник.

— Белый Бурхан, что ли? Ну, скажешь тоже.

— На Белухе его тоже часто встречают.

— У Белухи его когда-то и встретили! В начале века, кажись.

— Чушь! Никто никого не встречал. Просто в начале двадцатого там землетрясение было. И одна из вершин обвалилась. Славка, сколько там сейчас вершин?

— Две.

— Две! А было три! Отсюда и пошло всё. Бурханнизм этот непонятный. Вот были шаманы. Это понятно. А белая религия—ерунда какая-то.

— Все к Белухе идут. Идут и идут. Славка, зачем туда ходит столько людей?

— Ну... Одни ищут Шамбалу. Другие—каких-то пришельцев из космоса. Кто-то—душевное спокойствие.

— Ха-ха-ха! Душевное спокойствие. А кого там всё-таки больше? Альпинистов или этих, «рерихнутых»?

Славка улыбнулась, вспомнив про туалетную бумагу и стоянку.

— «Рерихнутых», наверное.

— Ну ты и сказанула. Да лучше бы они там и оставались. А то когда все люди исчезнут, там будет рай.

— Это Пуп Земли.

— Не Пуп, а Сердце. Много ты понимаешь.

— Наша Белуха находится в центре от четырёх океанов—слышала об этом?

— О чём?

— Она расположена почти на равном расстоянии от Северного Ледовитого, Тихого и Индийского. Отсюда и «пуп».

— Тогда уже гора четырёх границ! Что тут рядом?.. Ну, Россия, само собой, Монголия...

— Китай и Казахстан! Кулема!

— Да, четыре границы сходятся в одном месте. Кто-нибудь ещё воды поставит?

— Так странно...— сказала Славка.— У вас в семье никто алкоголь не пьёт?

Сначала засмеялась прабабушка, затем бабушка, потом все остальные. Даже Наташка фыркнула и подавилась плюшкой с маком.

— Мы ж из кержаков. Какой алкоголь?

— И не «вашей», а в «нашей» семье.

— А вы слышали, что раньше сквозь Белуху шёл главный коридор, по которому древние ходили из центра Азии в Сибирь и в Европу?

— Перелетали, что ли?

— Пониже места не нашли?

— Ну, мож, они наши красные лилии продавали за границу.

— Красные лилии?— зашептала Славка на ухо маме.

Но та только плечами пожала.

— Вам бы тогда в пещеры сходить. На рисунки посмотреть. Ежели остались ещё в тех краях.

— И до Мульгинских озёр скататься! Там очень красиво. А то у Сердца вы уже были.

— У Сердца Земли,— прошептала Славка.

Бабушки веселились. Наташка давно забралась на печку и там играла в карты с Катюшкой. А Славка задремала на мамином плече.

Глава тринадцатая

Третьего августа семья начала подниматься на ближайшую гору к озеру Карачик; рядом с ним в горах было ещё и озеро Горных Духов. Всюду стелился туман, превращаясь от движения людей

в разные фигуры. Славке опять казалось, что она слышит голоса, хотя была уверена, что вокруг на десятки километров нет людей и стоянок.

Туристическая тропа шла вдоль речушки, но отец опять повёл семью напрямик. Выйдя на плато, Славка запуталась ногами в душистых травах. Тут рос странный шиповник. На вид—привычный куст с красными ягодами. Но его запах сводил с ума. Она сорвала несколько ягод и положила их в карман. Сделать бы духи с таким запахом. Выстроилась бы длинная-предлинная очередь, прям до самого соседнего города. Славка натёрла одной ягодкой запястье и принюхалась. От сладкого и свежего аромата голова закружилась, и Славке захотелось взлететь.

Через час вышли на другое плато. Славка увидела настоящий инопланетный корабль. Правда, окаменевший от времени. Он стоял посреди возвышенности, а окружали его каменные животные. Рядом лежали четыре валуна, подпирающие пятый, будто стоящий в специальной впадине, в форме правильного шара. Туман на мгновение рассеялся, и на камень попало солнце. Он заблестел жёлтым, красным, синим. Славка зажмурилась, и ей показалось, что эти лучи поднялись в разные стороны в небо.

«Животные» стояли друг от друга на равном расстоянии. Здесь были и гигантские черепахи, и удивительные ящеры.

— Чертовщина какая-то,— проворчал отец.

— Удивительно красиво,— сказала мама.

Перед Карачиком пришлось преодолевать очередную сыпуху и морену. Забрались на неё удивительно быстро. И довольный отец сказал, что дал бы девочкам за неё разряд, будь она подлиннее. Славка уже начала разбираться в сложностях подъёмов. И эта морена тянула на 2А, а Каратюрек по всем стандартам был всего 1А. С морены срывался небольшой водопад.

Когда дошли до Карачика, Славка и Катюшка сразу упали на траву. Мама намазала их специальной мазью, которая «помогала от горного солнца». Здесь к солнцу было ближе, чем на море.

Иногда тучи закрывали солнце, дул холодный ветер, но всё равно в те моменты, когда облака расходились, спрятавшись среди больших камней, Славка слушала шёпот воды и чувствовала себя самой счастливой девочкой на свете.

Наташка аккуратно разложила сено на полу в сеновале и приоткрыла окно. Славка и Катюшка устроились поудобнее и стали отдыхать от дневной жары, кутаясь в футболки. За окном сверкали зарницы, на мгновение озаряя горы за Катунью. Где-то далеко за Узнезюшкой гремела музыка, там шла дискотека.

— Как там у вас в городе?— наконец спросила Наташка.

— Так же, как и здесь, — уверенно ответила Славка.
— Только в деревне лучше, — сонно произнесла Катюшка.

Она очень хотела спать. Но побыть со старшей сестрой хотела ещё больше.

— А ты чем заниматься будешь осенью?

— Я... в художественную школу пойду. Для подготовки в колледж искусств.

— О как... — Наташка расстроено откинулась назад.

Катюшка стала напевать уже знакомую Славке мелодию, похожую на колыбельную.

Славка пощекотала сестрёнку за ухом.

— Что это за песня?

— А что?

— Ты же её... её пела тогда, у Белухи?

Катюшка смущённо кивнула.

— Я её сама сочинила.

— Когда это? — удивилась Славка и взглянула на Наташку.

— Когда шла. Вот ты, когда шла, о чём думала?

Славка пожала плечами.

— А я песенку придумала. Сначала музыка в голове играла. А я вспомнить не могла, откуда она.

— Вспомнить?

— Не-а. И решила, что я её сама выдумала.

— Я тоже такой не слышала. Значит, твоя. А что за слова?

— Да ну... — Катюшка зарылась в сено и хихикнула.

— Ну давай! Спой! — попросила Наташка.

— Не хочу, — прошептала Катя. — Там слова глупые. И рифмы дурацкие.

— Я никогда ничего подобного не писала! Я вообще стихи не понимаю, — сказала Наташка и улыбнулась.

— Ну ладно... — Катюшка, набрав в лёгкие воздуха, запела:

Любимый Алтай, родные просторы,
Белуха, Катунь, далёкие горы.
Ты ночью и днём волнуешь меня,
Небес синева. Не забуду и дня...

Славка улыбнулась про себя и взяла Катюшкину руку. Голос сестры был тонким, но сильным.

...Той жизни прекрасной. Внизу облака.
Палатка, а рядом грохочет река.
И тот перевал. Не свалилась я вниз,
В бушующий вал, где под нами карниз.

Грозные скалы, среди них водопад.
И хочешь вернуться — но поздно назад.
Иду над обрывом, а страх мне кричит:
«Вдруг камень сорвётся и вниз улетит?»

Там птицы летают, и кедры цветут,
И звери на помощь к тебе не придут.
Морены и пропасть, ледник и цветы.
Нигде не увидишь...

Катюшка замолчала.

— Здесь бы поставить «ты больше», но тогда в строчку не влезет:

...такой красоты.

Славка подумала, что в двенадцать лет ни за что бы не придумала такого стихотворения. А тем более песни.

Лавины и камни. Чуть ниже — тайга.
Посмотришь повыше — под солнцем снега.
Ты здесь отдыхаешь не телом — душой.
И Шамбала тайною манит большой.

Когда тебе плохо и сердце болит,
Приди на Алтай, он всё исцелит.
Свобода, костёр и песня ручья...
Вернись на Алтай, поверьте, друзья!

Озеро, окружённое голыми камнями, поднимающимися к небу, оказалось совсем небольшим. Камни эти были разного цвета — от чёрного до абсолютно белого. И все — причудливой формы.

Отец решил обойти озеро вокруг и, не встретив поддержки среди девочек, вновь отправился один. Славка тоже решила согреться и пройтись в другую сторону в одиночку. Первые метров двести она перепрыгивала с камня на камень и наслаждалась одиночеством.

И вдруг нога наткнулась на что-то мягкое. Славка вздрогнула, отпрыгнула и чуть не упала на скользкий камень. Это оказалась растянута неприметная камуфляжная палатка, невидимая издали. Из неё показалось небритое лицо.

— Здравствуйте! — улыбнулся мужчина.

Судя по акценту, он был иностранцем.

— Вы откуда? — Славка оглянулась на лагерь — убедиться, что её видят.

— Из Латвии.

— Вы давно здесь?

— Уже... пять месяцев!

Латыш оказался безработным. Он хорошо болтал на русском языке, в сравнении с другими иностранцами, которых Славка встречала в этой поездке. Он достал из палатки самодельную карту, и Славка ахнула. Это была настоящая карта Средиземья Толкиена. Только здесь были горы, овраги, озёра и реки Семиозерья и Белухи. Да и нарисовано это было карандашом и очень профессионально. Славка сразу же попросила карту для того, чтобы показать отцу. Тот любил дорисовывать свою старую покупную карту новой информацией и хотел создать самую совершенную на свете карту этих мест.

За пять месяцев латыш исходил всё подножье Белухи.

— Ты веришь в Шамбалу? — спросил вдруг он.

Славка пожала плечами:

— Нет, наверное.
— Я тоже не верил. Но три дня назад на одном озере, вот тут,— латыш ткнул, не глядя, пальцем в карту,— было землетрясение. Я пошёл посмотреть, что стало с озером. Для начала я по дороге подвернул ногу. Потом началась гроза. Но я не сдавался, хотя понимал, что всё это неспроста. Я уже подходил к озеру, когда навстречу выскочила медведица! Прямо передо мной! И я понял, что лучше на это озеро пока не ходить.

— Ага.
— А ещё «избранным» людям на Белухе показываются лица знаменитых людей.

— Ха! Избранным! — Славка глянула на ледник. — Я постоянно и везде лица вижу. И фигуры волшебные. Вон там! Видите? Снег и голые камни? А фигуру девушки в народном костюме? А здесь из горы будто выходит настоящий богатырь. А на Белухе мне почему-то Суриков показывался.

— Кто такой Суриков? Бойфренд? — засмеялся латыш.

— Художник такой... — пробурчала Славка, забрала карту, и, пообещав её вернуть, пошла в лагерь.

По лагерю нервно ходила мама и смотрела на озеро.

Оказалось, что оно было больше, чем предполагал папа. Сначала мама следила за его фигурой, мелькающей среди валунов. Затем начала еле различать его, а потом и вовсе потеряла. Катюшка уже разгребала рюкзак в поисках бинокля. Никто Славкиной рисованной карте не обрадовался.

Через полчаса встревоженная мама различила у кромки длинного водопада, стекающего тонкой струйкой с перевала между вершинами, отца. Они ахнули.

— Нет... Неужели он... Но он же не будет...

Сёстры переглянулись.

— Он того... он вдоль водопада начал подниматься.
— На перевал? — Славка раскрыла карту.

Судя по ней, за тем перевалом и находилось злополучное озеро, про которое говорил латыш.
— Один на сыпучу полез... — пробормотала мама.

Славка забралась повыше на камень и набрала в лёгкие воздуха:

— Папа-а-а-а-а-а-а!

Эхо ударилось в озеро, затем отлетело куда-то в сторону Аккемской долины.

Катюшка вскарабкалась к сестре и пошатнулась. Славка схватила её за руку.

— У меня голос громче. Давай вместе.

— Папа-а-а-а-а-а-а-а!

От водопада подул сильный и холодный ветер.

К вершине одной из гор прицепилась большая серая туча и стала наползать на неё всем своим телом, словно сверху положили огромный кусок грязной строительной ваты.

— Он нас не слышит,— крикнула мама дочкам.

И Славке показалось, что её голос, как листок, сорвало и понесло в сторону латыша.

— Это что, гром?

Славка посмотрела на тёмную снежную тучу, молча сидевшую на прежнем месте. Только ветер усилился, а солнце совсем исчезло.

Славка прищурилась. Шум шёл от водопада. Она видела, как ахнула мама. Как валун сорвался с горы и, подпрыгивая, помчался вниз, утягивая за собой другие камни.

.....
— Знаешь легенду о кедре? — спросила Наташка. — Это любимая бабушкина легенда. Она её рассказывала, когда я был совсем маленькой.

— Не-а. И вряд ли она мне её расскажет.

— Ну да. Она молчаливая какая-то. Так вот. Шёл однажды по алтайской тайге человек. Похожий на вас. Устал очень и завалился спать под большим кедром. Ты видела большие кедры?

— Я видела просто огромные кедры!

— Ну вот. Кедр этот был очень старым. И ветви его от старости изогнулись. И ствол был весь в извилинах. А под ним получился толстый слой хвои, которая туда падала всю его жизнь. И человеку было очень уютно под этим кедром и на такой мягкой хвое. Но утром он проснулся оттого, что кто-то стонал. Прислушался. А это разговаривали два кедра. Молодой и старый, под которым он и спал.

— И что?

— Ну так вот. Старый кедр жаловался молодому, что больше не может стоять и хочет умереть. А молодой спросил: «Так чего же ты не падаешь? Да только жалуешься?» — «Я хотел упасть ещё вчера, но подо мной лёг усталый путник». И тогда встал человек, обнял когда-то могучий ствол, поблагодарил его и отошёл в сторону. И тут же закачался и упал с облегченьем старый кедр на землю.

— И что?

— А ничего. Бабушка просила рассказать эту легенду тебе.

— Но зачем?

— Я думаю, тебе лучше знать.

.....
После камнепада прошло очень много времени. Чтобы как-то отвлечься от мыслей о камнях и папе, Славка и Катюша поставили палатку, хотя больше ночевать на Карачике не хотелось.

Темнело. Мама сидела в стороне от лагеря, укутавшись в папин свитер, с красными пятнами вокруг глаз от бинокля.

.....
Свою родную бабушку — старшую дочь прабабушки и старшую сестру всех остальных «бабушек» — Славка очень любила. Отец рассказывал о ней только самые странные и весёлые истории.

Бабушка считала себя толстой. Хотя выглядела, наверное, помладше всех своих многочисленных младших сестёр. Когда она заходила в дом, все сразу замолкали и оборачивались на неё. Она не любила ни с кем целоваться и обниматься. Сидясь в сторонке и сразу же становилась центром внимания.

Одна из её сестёр пригласила всю Славкину семью в гости. Но Катюшка простыла в Катунин, и родители остались с нею дома. А бабушка взяла Славку с собой.

Эту сестру все почему-то ласково называли Ксюшенькой. Ксюшенька с трудом поднималась со стула, приветствуя гостей. Совсем недавно она перенесла инсульт. И теперь постоянно сидела дома.

— Ну как ты, Ксюшенька? — спросила бабушка, похлопывая сестру по плечу. — Ну и раздалась же ты! Ужась!

Ксюшенька засмеялась, потом закашляла.

Славка стояла у двери и боялась войти внутрь. Даже в прихожей пахло старостью и болезнями. У прабабушки дома пахло только свежим хлебом и цветами.

Бабушка ходила по комнате, раздвигая занавески, отчего её младшая сестра морщилась. Затем по-хозяйски поставила чайник на плитку, послав внучку за печеньем в ближайший магазин. Дорогу ей перегородил пьяный мужик. Он сально оглядел Славкины голые ноги в коротких шортах и вошёл в дом. Славка помедлила, но затем вышла за ворота.

Славка вернулась минут через десять и ещё около калитки услышала крики.

Она залетела в дом и остановилась у дверного косяка.

Приготовленная к чаю посуда на столе была разбита. Ксюшенька плакала, забившись в кресло. Мужик орал у печи. А около стола стояла, поднимая вверх большой топор, Славкина бабушка.

— Ты меня понял, сукин ты сын? Ты понял меня или нет? Ещё раз к сестре моей прикоснёшься... ещё раз денег украдёшь... я тебе руки твои загребущие-то поотрубаю! Ты слышь меня, сукин ты сын? Али нет?

Она замахнулась топором, мужик взревел:

— Ах ты, мразь старая! Ведьма! Ведьма!

— Кто тут старая? — бабушка схватила другой рукой со стола нож и швырнула его в стену.

Нож воткнулся совсем рядом с лицом мужика. Тот поблел и исчез.

Славка не поняла, с какой скоростью он убежал, промелькнув мимо неё в дверь.

Бабушка же, уронив топор, подбежала к Ксюшеньке и поцеловала её в макушку.

— Теперь он тебя не тронет, слышь меня? Не бойсь. Или хошь — приезжай ко мне жить! Мне одной скушно. Продадим твой дом, переедешь в Узнезю.

Славка вдруг увидела, как молода её бабушка. И что Ксюшеньке совсем не шестьдесят лет. А лет десять. И вздрогнула, когда увидела в Ксюшенькином лице знакомые черты.

— А ты чего стоишь? — обернулась к Славке бабушка и, смятчившись, ласково произнесла: — Печеньё принесла? Неси чайник.

Отец вернулся, когда Славка уже приготовила ужин на примусе, который они хранили всю дорогу «на всякий непредвиденный случай». Славка вдруг поняла, что этот непредвиденный случай настал не на Каратюреке, а здесь, у пустынного озера. Безжизненного и холодного, как тёмное небо. И что их путешествие, скорее всего, на нём и закончилось.

Она больше не хотела идти дальше в горы. Не мечтала посмотреть на Семиозерьё.

Папа с воодушевлением рассказывал о том, как залез на перевал, как нечаянно спустил вниз огромный булыжник. Как увидел озеро Горных Духов, как там красиво и какие все ленивые, раз целый день провели внизу у воды.

Ему никто не ответил. Мама молча поставила перед ним тарелку с супом и, взяв девочек за руки, залезла в палатку.

Славке не спалось. Она слышала, как отец непонимающе хмыкал и черпал суп. Она отчего-то чувствовала себя виноватой. Но за что?

В конце концов палатка покрылась испариной. Значит, на улице быстро холодало. Отец лёг спать и сразу захрапел.

Славка тихо выползла из палатки и пошла к валунам и круглому камню, на котором была утроем. Вокруг было темно. Две звезды по очереди вспыхивали и гасли над горами, и казалось, что они перепрыгивают с вершины на вершину. Луны не было. Но камень по-прежнему светился, словно окутанный миллионом невидимых светлячков. Славке показалось, что так камень общается со звёздами.

И тогда она села на него и заплакала.

Глава пятнадцатая

На обратном пути семья обнаружила небольшую площадку, занесённую снегом. Скорее всего, он не растаял из-за морены, закрывавшей солнце. Рядом цвёл шиповник, а рядом лежал снег. Славка переоделась в купальник, выскочила на него босиком и закричала от жуткого холода.

— Битва! — крикнула Катюшка и бросила в сестру снежком из льдинок.

Славке стало больно и обидно. Тем более что в эту секунду мама как раз сфотографировала её искошенное лицо. Славка погналась за сестрой, но тут же провалилась по колено в снег и взвыла от боли, ободрав ногу о наст.

— И как там, в деревне дед?

— Ничего не осталось!

Славка лежала на песке, пытаясь загореть. Пляж в деревне оказался на удивление чистым и уютным.

— Приезжаем. А там—поле. Одна трава да тайга вокруг. Остовы домов стоят—страшно. Не верится, что там когда-то кто-то жил. Что там бабушка с дедушкой поженились...

— М-м-м... Потому что там от Катуня далеко. Сейчас только Катунь застраивается—это модно. А весь остальной Алтай разваливается.

— А ты здесь живёшь?

— Не, мы в Горно-Алтайске. Так что я тоже типа городская. Но тут всех знаю. И тебя познакомлю.

.....

Славка никогда ещё не видела столько палаток в одном месте. К Аккемскому озеру пришло сразу несколько многочисленных групп туристов.

Отец сходил за «домовёнком», сделанным Робинзоном, и теперь гордо опирался на огромный пучеглазый посох.

После очередного перехода через реку по тросу, да и перед долгой обратной дорогой, семья решила выпастись и постоять на Аккеме, полюбоваться Белухой.

С одной стороны стоянки сидели мирные дяденьки и тётеньки. Они сгруппировались около костра и о чём-то серьёзно разговаривали.

— Чудо! Чудо!—доносился от них шёпот.

Славка с Катюшкой переглянулись.

— Чего это они?—спросила Катя.

— А фиг их знает? Каждый сходит с ума по-своему.

Одна из женщин, увидев заинтересованный взгляд девочек, помахала им рукой. Славка осторожно подошла ближе.

— Здравствуйте! Я тут про чудо услышала, вот и...

— Да, да!—закивали головами мужчины.—В это месте силы мы ждём, когда нам явится Николай Константинович.

— Кто?—не удержалась Славка.

— Рерих, конечно!—воскликнули женщины. Только сейчас Славка заметила, что они были одеты в одинаковые белые платки.—Тот, кому явится Рерих,—необычный человек.

Славка осторожно оглядела окрестности. Весь лес здесь был грязным. Туристы оставляли банки, одежду, мусор. Иностранцы ходили в туалет не в определённые места «за кустами», а за всеми кустами подряд, оставляя вокруг разноцветную туалетную бумагу. Разве непонятно, что нужно травой всё своё прикрывать и каждый раз в новое место не ходить?

Эта стоянка тоже не блистала чистотой. Кроме слова «загажена», Славка не могла подобрать ей определение.

— А мне снился Николай Константинович!—неожиданно для себя сказала она. И испугалась—с такой скоростью начали вокруг собираться мужчины и женщины, охая и ахая.—Мы были наверху... и там было холодно и страшно!

Одна женщина нагнулась к её лицу так близко, что Славка отпрянула. Зато осмелела.

— И сказал он мне: ты пришла сюда не случайно! Здесь есть люди, которые ждут меня!—толпа издала общий стон наслаждения.—И сказал он мне: очисти здесь всё! Пусть эти люди очистят святые места от грязи! Слишком много здесь людей и слишком много грязи!

— Грязь!—осуждающе качали головой женщины и мужчины.—Вот для чего мы здесь! Спасибо, девушка! Возьми вот, возьми!

В лагерь Славка вернулась совершенно ошарашенной.

У неё в руках был шоколад.

А куски цветной туалетной бумаги быстро исчезали с кустов.

В другой компании были только молодые парни. У них было слишком много энергии. Они сегодня пришли сюда по Аккему, а не через Каратюрк. Из их лагеря постоянно доносились вопли. Затем кто-то включил радио, и компания устроила дискотеку.

— Не хочешь к ним?—сязвил отец и пихнул Славку в бок.

Она презрительно посмотрела в сторону парней и продолжила рисовать Аккем.

— Фотография всё равно лучше,—сказал отец и погладил свой профессиональный фотоаппарат.—Рисунки морально устарели.

— Ничего они не устарели. Каждый дурак может кнопку нажать. А перенести своё чувство на бумагу—мало кто.

— Продолжим спор попозже,—смеясь, отец ушёл разводив костёр.

Через час к лагерю вышли четверо. Низкорослый крепкий мужчина. Стройная женщина с красивыми волосами. И пара иностранцев с усталыми глазами. Судя по большим рюкзакам первых двух, отец бы уступил им место в своём лагере.

— Здравствуйте,—произнёс низким голосом мужчина и подошёл к костру.—Можно у вас здесь упасть? А то вокруг какие-то сумасшедшие стоят, не продохнуть.

Отец подал руку для приветствия и показал на небольшое свободное место—как раз под одну палатку—под елью.

Мужчина оказался «снежным барсом»—человеком, как потом пояснил отец, который побывал на четырёх семитысячниках. Их «барс» поднялся на пик Коммунизма (он же пик Исмоила Сомони на Памире), на пик Хан-Тенгри в Тянь-Шане, на пик Ленина и пик Корженевской, тоже на Памире.

Славка сама себе удивлялась, какими обиденными стали для неё новые названия гор, неизвестные совсем недавно.

Женщина была его помощницей. Они зарабатывали деньги тем, что водили для одной фирмы иностранцев к Белухе. Иностранцы оказались французами: Нил и Амели. У них были совсем крохотные рюкзаки, а у Амели с рюкзака свисали стринги и лифчик.

Папа удивлённо показал на них. Светлана, помощница «барса», покачала головой:

— Это она так вещи сушит, не обращайте внимания. Французы, что вы хотите, всё напоказ.

— Но... это разве трупы для похода?

— Поэтому и ходит медленно.

И все рассмеялись. Даже Славка. Хотя всего три недели назад она прятала в рюкзаке от мамы такие же стринги, подаренные подружкой.

Вечером все снова окружили костёр. Славка любовалась огнём, ласково обнимающим дерево. Она думала о том, что теперь не скоро сможет посидеть вот так, ощущая приятную пустоту в голове. И чтобы вокруг неё шумели ели, потрескивали брёвна в костре, шумел котелок. Птицы бы перелетали с ветки на ветку. А родители бы выглядели не уставшими после работы, а умиротворёнными, несмотря на все дневные разногласия. А вместо глупого телевизора «барс» бы рассказывал о своих странствиях.

— Мы тут ребят спасали,— засмеялся «барс». — Выходят к нам от Белухи странные личности. Тощие, глаза безумные. Говорят: дайте поесть. А у нас вроде бы всё по списку — не себе же покупали, а нашим французским друзьям.

При слове «французские» Амели оторвалась от книжки и улыбнулась.

— Ну и вот, ребята, конечно, оказались чокнутыми. Захотели от чего-то там очиститься. Нашли тако-го... как сказать... «клёвого» проводника, который им невесть что наобещал. Курил их проводник все три дня подъёма. А под Белухой наварил грибов и начал кричать, что им нужно для очищения обойти Белуху три раза.

Отец засмеялся. А Славка взглянула на снежные вершины.

— Ну а ребята в последнюю секунду скумекали, что за грибочками не надо идти. А дороги обратной не знают. И все деньги с билетами тоже у проводника остались, который в гордом одиночестве полез на Белуху.

— Три раза, говорите? — сквозь слёзы переспросил отец.

— Три раза! Славка, тебе понравилось по горам ходить?

— Понравилось! Только устала.

— Помните анекдот про альпинистов? — обратился «барс» к отцу.

— Какой именно? — обрадовался тот.

Славка переглянулась с сестрой. Папа и анекдоты. Жуткое словосочетание.

— Ну, этот... Где лезут в гору альпинисты — новичок, значкист, разрядник и инструктор. Новичок думает: «Щас сдохну. Щас сдохну». Значкист думает: «Вот дойду до того камня — и сдохну». Разрядник думает: «Щас дойду до вон того камня, и если не сдохнут они, то сдохну я». А инструктор думает: «Ну и лоси мне попались — хоть бы сдох уже кто-нибудь, что ли?»

Славка рассмеялась и замолчала, вспомнив себя на перевале.

Отец аж подпрыгнул на бревне и хлопнул себя рукой по коленке.

— Ну вот, начинается... — улыбнулась мама и пошла с котелком за водой для новой порции чая.

— Висят двое альпинистов на стене, мужик и девушка, — начал отец.

— Да-да, я его помню! — загоготал «барс».

Но Славка хотела дослушать анекдот и заняла: — Ну пап... Я не слышала!

— Это про вас, про девушек в горах. И так, висят двое альпинистов на стене, мужик и девушка. Мужик кричит: «Машка, вяжи булины!» Она отвечает: «Сейчас попробую!» А он: «Не надо пробовать, вяжи пятнадцать бантиков!»

«Барс» и его помощница всё равно звонко рассмеялись.

— А почему люди сюда приходят за Рерихом? — спросила «барса» Славка.

— Рерих?... Ну, великий был человек. Когда он путешествовал по Алтаю, то каждый день поднимался с этюдником и фотоаппаратом на окрестные белки. Был на Катунском хребте. Вроде видел Белуху. Но на самом деле вряд ли приходил сюда. Ты видела рисунки Рериха?

Славка кивнула.

— Я-то ходила на его выставку. Но никогда его горы не любила. Они мне казались чересчур яркими. И фальшивыми.

— А теперь?

— А теперь... я понимаю, что именно он рисовал. «Барс» довольно хлопнул себя по колену.

— Вот и молодец! Хорошая у вас девчушка выросла! — повернулся он к Славкиным родителям.

Амели, сидящая напротив у костра, тихо запела:

Фрэрэ Жакё, фрэрэ Жакё,
Дормэ ву? Дормэ ву?..

Катюшка, узнав знакомую мелодию, подхватила:

Колокол на башне, колокол на башне,
Дин-дон-дон, дин-дон-дон!

Всю ночь Славке снились кресты, которые она видела недалеко от Белухи. А рядом с ними стояли суровые альпинисты с бородами. Наверное, души, кружащие над своими могилами.

Славка почувствовала, что задыхается, и про-
слась.

Где-то далеко в темноте играла свирель. Тихо-
тихо. Кто-то выводил незатейливую народную
мелодию. Грустные звуки ласково плыли в тишине,
лились, как Текелюшка в своём истоке. Музыка не
стихала, но и не надоедала.

Славка хотела вылезти наружу, но потом заме-
тила, что в палатке никто не спит, и осталась. Когда
свирель замолчала, Славка обняла Катюшку и
мысленно попрощалась с Сердцем Земли.

.....
— Ну, это типа наш дом,— Наташка хмыкнула.—
Здесь типа кухня. Бабушкина—для тебя праба-
бушкина—комната. Ну и так далее. Выходить на
улицу можно через дверь. А можно и через окно
в спальне. Там удобнее. Затем можно по двору
с курицами выскочить в огород. Мимо бани и
сеновала—в калитку. Видишь калитку? Ну вот,
оттуда—по дорожке—и к реке! Тут три секунды.

Славка кивнула. Она пока с трудом понимала,
о чём говорить со своей троюродной тётей.

— А если хочешь удрать из дома, то слева от ок-
на висит верёвка. По ней заберёшься на чердак.
И пока кто-нибудь будет с другой стороны дома
залезать туда по гнилой лестнице—например,
дядь Вася... Он когда-нибудь с неё гробанётся к
чёртовой матери. Напьётся—и вечно на чердак
тащится... А ты в это время можешь отсюда на
сарай перепрыгнуть—и по крыше сбежать к бане.
А там—снова к реке. Поняла?

Славка опять кивнула. Всё-таки здесь было
намного интереснее, чем во дворе в её городе.
— Если из двора идти направо—там магазин. Если
налево—кладбище. Там многие с нашей семьи
лежат. Потом свожу. Но кладбище всё хотят снести
и поставить там очередной дурацкий туркомплекс.
Вы же сегодня куда-то ещё поедете?
— Не сегодня, завтра. В дедушкину деревню.

.....
Славка не понимала, куда все так спешат.

Отец говорил, что до отъезда с Алтая нужно
побывать у прабабушки. И чтобы застать всё
семейство, нужно торопиться.

— На сколько мы там останемся?—Славке было и
любопытно, и страшно встречать «всё семейство».
— Не знаю. На недельку. На две. А потом домой.
— А дома чего делать? У тебя же отпуск длинный.
— Книжки будем читать. Телевизор твой люби-
мый смотреть.

Славка в последний раз оглянулась на Белуху,
и та скрылась за деревьями.

Этот день Славке ничем не запомнился. Они
шли и шли. Иногда французы и «снежный барс»
обгоняли их, совсем как семья Робинзона когда-то
очень давно. Но потом окончательно отстали.

Переходы длились до пятидесяти минут. Кто-то
сказал, что от деревни до Белухи альпинисты и
спасатели налегке добегают за один день. Славка
очень в этом сомневалась.

В полдень маме стало плохо, и пришлось сделать
долгий привал.

Пообедали у водопада Текелю.

— Такая красота!—с трудом произнесла мама.—
А любоваться уже и сил нет. Ни физических, ни
моральных. Может быть, здесь и остановимся?

Славка зачем-то замотала головой и на ходу
придумала, что слышала от французов о прелест-
ной стоянке чуть ниже по течению.

Но никакой стоянки, конечно, там и в помине
не было.

Семья медленно поднималась в гору, которая
всё не хотела кончаться и была неприятно крутой,
без воды и стоянок.

— У меня нет сил даже возмущаться твоим врань-
ём,— еле выговорила сзади мама.

Славке стало стыдно. Все четыре часа, кото-
рые они шли практически без перерывов, она
думала, зачем же соврала маме. И куда же она
так спешит? Если и спешить-то некуда? И поче-
му природа поступает с ней так отвратительно?
Спуск должен быть лёгким. Они уже сильные и
тренированные.

Славка пощупала свои ноги. Она и не думала,
что ноги бывают такими железными. Одни сплош-
ные мышцы.

— По-моему, я услышала шум реки,—Славка резко
остановилась.

— Не услышала, а услышала,—поправила её мама.

— Неправда, у нас в классе все так говорят.

— Это наш диалект. А литературная норма—дру-
гая.

— Да мне плевать на литературную норму! На ней
пишут где-то там! А у нас в городе все говорят
«услышала». То есть ты думаешь, что весь наш
город недоразвитый? И моя учительница в школе
недоразвитая?

Мама устало прислонилась к дереву, и вся семья
тоже встала рядом.

— Доченька, я так не считаю. Но думаю, для
будущего тебе нужно знать общепринятые пра-
вила.

— Ну как, как они могут быть общепринятыми,
если на них не все говорят?

— Вы вообще о чём спорите?— подошёл отец.

— Мы все устали. Вот усталость таким образом
и сказывается. Мы ссоримся из-за норм языка.

Отец повернулся и молча пошёл дальше.

Все тоже гуськом двинулись вперёд.

Вскоре и правда справа появилась речка. Семья
упала на землю на ближайшей стоянке. Отец впер-
вые за весь поход даже не обратил внимания на
то, с кем именно они встали. Медленно разложил
палатку и сварил кашу.

Соседями оказалась буйная и совершенно не горная компания мужиков с полуголыми девушками.

— По-моему, они просто удрали подальше от своих жён,—мама осматривала ноги с мозолями и дула на них.

— Ага. Тропа по Аккему—просто кошмар. Хай-зэй какой-то,—пробурчал отец, поглядывая на визжащих девушек.

— Как же без людей было хорошо,—заговорила Катюшка.—Ненавижу пьяных.

— А у меня ощущение, что я попала во взрослый ночной клуб,—Славка доедала рис с курагой.— Жаль, что придётся всю ночь всякую фигню слушать.

— Правильно, доченька. Слушать, а не слушать.

— Ну мам!

Глава шестнадцатая

Ночь прошла незаметно. На следующий день, наевшись чёрной кислицы, о которой Славка только разо в детстве слышала от бабушки, семья рано утром, с отвращением посмотрев на валявшихся по всей стоянке мужиков, снова отправилась в путь. По расчётам отца, к вечеру они должны были уже выйти к базе, поймать машину до Горно-Алтайска или попросить водителя завезти их сразу в Узнезю к прабабушке.

Шли левым берегом реки Аккем. Спускались по долинам, покрытым густыми хвойными лесами. На высоте около полутора тысяч метров над уровнем моря стали встречаться берёзы, и природа стала родной. Ноги даже как-то сразу перестали болеть и потопали быстрее. После берёзового леса семья должна была пройти ещё около тридцати километров до подъёма на перевал Кузуюк. Последний перевал перед выходом к деревне.

Славка по дороге зачем-то срывала головки цветов, а затем швыряла их в траву.

— Славка, зачем ты это делаешь?—опять спросила мама.

— Что я делаю? Ничего я не делаю.

— Ты рвешь и бросаешь цветы. Что они тебе плохого сделали?

— Я их не бросаю. Я их кидаю,—язвительно ответила Славка.

Она не понимала, зачем грубит маме, но остановиться уже не могла. Почему мама постоянно её дёргает?

— А в чём разница? Результат-то один!

— А я не знаю, в чём разница! Ты мне и скажи! А то вдруг я опять неправильно говорю?!

— Да сколько можно-то?—взвился отец.

— Ух ты!—воскликнула Катюшка и сорвала крупную ягоду малины.

Славка оглянулась. Они стояли на тропе прямо посреди огромного поля со спелой малиной.

— Ура!—закричала она и начала есть ягоду.

Папа с мамой переглянулись, сбросили рюкзаки и тоже стали углубляться в заросли. Малина была чистой, без червячков, её сок стекал у Славки по подбородку и по рукам. Заросли кое-где шевелились—значит, её семья была поблизости. Кто-то странно прорычал. Наверное, папа совсем одичал на природе.

Целый час никто не мог оторваться от ягод. Никто уже не заботился ни о времени, ни о споре, ни о тридцати километрах до перевала. Славка ела малину, горстями закидывая её в рот и не успевая вытереть липкие руки перед следующей порцией. Как же ей надоели каши!

— Стоп!—вдруг крикнул откуда-то из малиновых кустов папа.— Нам пора.

Невидимая Катюшка икнула где-то справа.

— Ну ещё минуточку!—жалобно попросила мама от дальних зарослей у леса.

Славка набрала полные пригоршни малины. Катюшка вытащила из рюкзака небольшой пакетик и положила свои ягоды туда. Сестрёнка всегда была мудрее и предусмотрительнее Славки.

Когда все собрались на грязной тропе, вытоптанной лошадьми и туристами, папа поднял рюкзак и чертыхнулся:

— Нет, вы посмотрите! Кто-то нагадил прямо на мой рюкзак!

— Разве проходили лошади? Я даже не заметила,—удивилась мама и пригляделась.—Слушайте... а ведь это не лошадиный помёт... Тут раза в три больше, и куча семечек от малины. Кто-то...

Заросли малины снова зашевелились, и раздались уже знакомый Славке звук довольного рычания с причмокиваниями. Кто-то большой, тяжёлый медленно двигался среди ягоды и срывал их так, что кусты ходили ходуном.

— Медведь...—просипел отец.

— Бежим!—прошептала мама.

Все быстро пошли вперёд. Тихо, пытаюсь потише хлюпать по лужам и слякоти. У Славки лоб покрылся потом, а малина просилась наружу. Катюшка пыхтела, но умудрялась бесстрастно доедать ягоду из своего пакета. Видимо, за этот поход она уже привыкла к медведям.

Семья выскочила из прохладного леса на поле. Огромное поле раскрыло свои жаркие объятия. Больше это было похоже на степь. Сухую, горячую и бесконечную степь.

Здесь начиналась настоящая просёлочная дорога, по которой изредка ездили тракторы.

— Цивилизация,—поморщилась Славка.

— Не волнуйся, дорогая. До цивилизации ещё далеко,—пробормотала мама и прищурилась на солнце.

Славка вспомнила, что всё ещё лето и где-то бывает жаркое солнце, от которого она отвыкла.

Из леса выскочила незнакомая компания и уверенно пошла к реке, плескавшейся далеко внизу.

Очевидно, для стоянки. За рекой поднималась по горе тайга. Над нею выступали скалы.

Семья присела, чтобы переобуться и переодеться.

Славка отыскала кепку и надела её поверх платка, чтобы не стореть. Родители и Катюшка тоже были похожи на бедуинов.

Опять кузнечики. Опять саранча. Опять пёкло, сжигающее солнце, сухая скошенная трава и ни одного дерева поблизости! Как в начале пути.

Еле передвигая ноги, Славка считала каждый свой шаг. Она думала, сколько в одном метре её усталых шагов. И сколько метров из оставшихся километров она уже прошла. Катюшка сторбленно шла впереди.

Дальше дорога уходила от реки налево. И по Катюшкиному стону Славка поняла, что снова начинается подъём.

Навстречу прошли три молодые девушки из Омска. Они сказали, что до ближайшего источника ещё несколько километров.

Появились первые кусты.

Больше Славка ничего не запомнила.

Она шла и думала: «Это дерево. До него нужно идти. До него всего пять метров. Пять метров — это целых пятнадцать шагов. Один. Два. Три. Четыре. Почему. На небе. Ни облачка? Где оно? Солнце. Прошу. Тебя. Спрячься. Теперь. До этого. Деревя. Вот оно! Башка звенит. Стучит. Болит. Сейчас. Сварится. Или. Отлетит».

Справа раздался женский смех, и кто-то крикнул: — Привет!

Славка даже не посмотрела в ту сторону. Она заметила краем глаза, как мимо проскакала девушка, за ней тащился мужчина с рюкзаком.

Глаза смотрели только на ботинки сестры. Такие же заплетаются ноги, как у Славки. Катюшка спотыкается.

Ещё через два часа семья всё-таки взобралась на перевал. Никто ему не обрадовался.

Славка и Катя повесили ленточки на кедр, выпили остатки воды из бутылок и начали спускаться вниз. Спуск был таким же сложным, как и подъём.

Славка уже не чувствовала ног. Боль внезапно пропала. Она только понимала, что мозоли, набитые за подъём, сейчас лопнут. И они лопались. Одна за другой. Отчего Славку било как током. Но нельзя было останавливаться. Присесть некуда. Сядешь — больше не встанешь. Захочется пить. А пить нечего. До базы далеко, а сил совсем не осталось.

На спуске к полю встретилась девушка. В короткой юбке, в босоножках. Из вещей у неё была только небольшая туристическая сумка через плечо. Отец от удивления даже остановился. Девушка выглядела так, будто просто вышла в магазин. Накрашенные ресницы. Накрашенные ногти. Накрашенные губы. Славку передёрнуло.

— Вы заблудились? — ехидно спросил отец вместо приветствия.

Славка облизнула высохшие и потрескавшиеся на солнце губы.

— А на Бели... Белу... ху я правильно иду? — тонким голосом спросила девушка и кокетливо откинула назад волосы.

Славка снова поморщилась. Девушка очень сильно напоминала ей... себя. Но до похода.

— Я решила отдохнуть на базе. И мне там рассказали, что здесь недалеко есть красивая гора, на которую можно пройти за день.

«Ох уж эти альпинисты-юмористы!» — вздохнула про себя Славка.

— Да, налегке, наверное, можно, — задумался отец.

— Так я налегке! — засмеялась девушка. — Но я уже тут деревню прошла, поле прошла. А горы всё нет. А далеко до горы?

— За этой горой, — откашлявшись, с трудом произнесла Славка, — есть поле. А за полем ещё одна гора.

— А за той горой ещё одна гора, — сказал папа.

— И за ней — тоже гора! — добавила мама. — И ещё несколько похожих гор. А за ними...

— Белуха! — закончила Славка и улыбнулась.

— Пра-а-а-авда? — протянула девушка и провела устало рукой по лицу, задев ресницы, отчего чёрная полоса легла по всему лбу. — А мне говорили, чтобы я шла и шла по дороге.

— Хорошего вам пути! — попрощался отец и повёл семью дальше.

Девушка брезгливо посмотрела на Славкину потную и грязную рубашку, хмыкнула и пошла дальше.

Ещё через час семья вышла к деревне и покосившимся заборам, а вскоре и на асфальтовую дорогу, ведущую в Тюнгур. Если по мягкой земле ещё можно было идти с вытекшими мозолями, то на твёрдом асфальте Славка просто взвыла в голос и уселась на первое же крыльцо деревенского магазина.

Рядом упала на рюкзак Катюшка и, тяжело дыша, закрыла глаза. На ступеньку ниже прилегла мама. Стоять остался только отец.

— И чего мы расселись?

— Мы здесь будем ждать машину. Или останемся жить, — всхлипнула Славка и начала расшнуровывать ботинки.

Самое страшное было — снять их.

И тут на горизонте появилась зелёная машина...

Это был старая, разваливающаяся «буханка». В ней сидели три чумазных немца с уставшими и весёлыми лицами.

— Guten Tag! — активно замахали руками немцы.

— Hi! — сказала Славка и завалилась на рюкзак прямо на пол, так как стульев в этом виде транспорта почему-то не было.

— Buongiorno, — почему-то ответил отец и устроился на свой рюкзак прямо у двери.

— Добр дан,— закончила здороваться мама.

Немцы вышли у базы, попрощались и потопали напрямиком к бане.

Славка бы сейчас что угодно отдала за баню. Она, наконец, сняла ботинки и захныкала.

К ним в машину влезли ещё четыре человека: две девушки и два парня. Они возвращались с гор домой во Владивосток. Славка вспомнила, что Петька тоже жил с родителями во Владивостоке, в военном городке. До того, как приехал в Сибирь.

Петька теперь был так далёк ото всего, что знала и чувствовала сейчас Славка. Он, наверное, сидел у компьютера и проходил очередной уровень в новой игрушке. А Славка тряслась на полу. С больными ногами. В душной машине. Рядом пыталась дремать Катюшка.

Когда машина въехала в Усть-Коксу, Славка выглянула из грязного окна и увидела, как девчонки её возраста стайками идут в местный клуб. Наверное, там была дискотека. Затем взглянула на себя в зеркало: загорелое лицо, обрамлённое выбивающимися из-под пыльного платка волосами, большие глаза. Расстёгнутая мокрая рубашка, болтающаяся над рейтузами. Голые ноги непонятного цвета. Славка поднесла руку к носу. От неё пахло потом, дымом, травой и малиной.

Славка хмыкнула. Посмотрела на заходящее за снежные вершины солнце. И закрыла глаза.

.....

Был уже почти полдень, когда машина въехала в незнакомую деревню со странным названием «Узнезя». Славка раньше слышала о ней только от папы.

Водитель даже не старался объезжать дыры в дороге, а Славка устала уворачиваться от тяжёлых предметов, сваливающихся ей на ноги. На голове красовалась солидная шишка.

Деревянные заборы. Крепкие избы. Блуждающая на свободе лошадь.

Со всех сторон деревню окружали высокие горы.

Деревня стояла на высоком берегу Катуня. По рассказам отца, два века назад сюда пришли первые русские люди. Пешком. Из Смоленска. И среди них были и Славкины прапрапрадеды.

Машина подъехала к одному из домов над обрывом и остановилась.

Славка с трудом поднялась на ноги и выбралась наружу.

На крыльце стояла незнакомая девочка со светлыми косичками, похожая на Пеппи Длинныйчулок. Увидев Славку, она открыла ногой дверь в дом и закричала:

— Эй, все! Они приехали!